

Юный натуралист

1981

10

К Сорокалетию

Массового тимуровского

движения в нашей стране

ШАГНУВШИЙ В БЕССМЕРТИЕ

Протопанная песчаная дорожка от деревни Леплява, петляя, идет к железнодорожной насыпи, к будке путевого обходчика. Стоит подняться на насыпь, спуститься с нее, и перед вами откроется вид на место, памятное для всех пионерских поколений послевоенных лет. Тихо шумит листва деревьев. О чем она шумит!

Может быть, о том, как много-много лет назад в грозную осень сорок первого здесь проходили партизаны и впереди с сумкой на боку шагал широкоплечий человек.

Может быть, о том, как гремели винтовочные и автоматные выстрелы, когда шел жаркий и неравный бой у лесопилки, где Гайдар прикрывал отряд партизан.

Но они, эти немые свидетели событий давних лет, хранят память о пулеметной очереди, которая ранним октябрьским утром 26 октября 41-го оборвала героическую жизнь Гайдара. А люди, которых Гайдар спас от верной смерти, боевые друзья писателя-бойца, помнят последний возглас Аркадия Петровича: «Ребята! Немцы!»

Шумят, шумят деревья, высоко протянувшие свои кроны в голубое украинское небо, ведут между собой неторопливый разговор о человеке необычайной биографии в необычное, героическое время...

Его биография — биография нашей страны. Родился во Львове, в семье учителей. В феврале 1917 года впервые знакомится с

Юный Натуралист 1981 10

Научно-популярный журнал
ЦК ВЛКСМ и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина
Журнал основан в 1928 году.

большевиками. В ноябре 1918 года вступает в Красную Армию и до конца жизни не мыслит своего существования без армейской службы, требующей воли, мужества, чести, отваги. 1919 год — командир роты, участвует в боях, получает контузию и ранение в ногу. Потом — школа командирского состава «Выстрел», служба на Кавказе. В 1921 году — командир полка. В 17 лет — командир полка! Потом жизнь бросала его на Тамбовщину — громить антоновские банды, в Сибирь — ликвидировать бандитизм. В 1924 году Гайдар уволен из армии по болезни, и только через 17 лет он снова, уже военным корреспондентом, прибывает на фронт. А эти длинные и в то же время короткие для творчества 17 лет он будет писать, писать в первую очередь для ребят — об армии, о революции, о дорогах трудных, но счастливых. Писать для него стало не только профессией. Труд писателя он приравнивал к тяжелому и ответственному подвигу и труду солдата. А. П. Гайдар оставил нам много хороших книг. И сегодня «Дальние страны», «Судьба барабанщика», «Комендант снежной крепости», «Тимур и его команда» — любимое ребячье чтение.

Гайдар учил своих читателей смелости и находчивости. Зная, что в случае войны с фашистами ребята не захотят сидеть без дела, он подарил игру «в команду», показав на примере Тимура Гараева: нужно уметь делать свое доброе дело, даже если окружающие тебя поначалу не поймут. Ребята сразу оценили книгу о Тимуре.

«Комсомольская правда» за сентябрь 1940 года отменила: печатание повести «Тимур и его команда» в «Пионерке» еще не закончено, а уже во многих дворах бегают мальчишки с красной звездочкой на груди.

В первые же недели войны ребята начали оказывать помощь фронту. Огромное впечатление на самого Гайдара произвела встреча со штабом Тимура города Киева в августе 1941 года. Киевская команда к тому времени насчитывала много тысяч ребят, которые рыли траншеи, заботились о малышах, помогали семьям фронтовиков выехать из осажденного города, выполняли задание отряда контрразведки фронта. И руководил всей повседневной работой 15-летний сын фронтовика Норик Гарцуненко, ныне член Всесоюзного штаба Тимура.

«Ради таких минут стоит жить!» — сказал Гайдар об этой встрече, но Аркадий Петрович еще не знал, что команда будет действовать и

после падения города и что Норик со своими товарищами поможет спасти много раненых бойцов и командиров, которые не успеют покинуть Киев.

Киевский штаб Тимура был одним из многих. Даже отрывочные сведения о деятельности команд Москвы, Ленинграда, Харькова, Магнитогорска, Севастополя, Перми, Красноярска, Хабаровска и Владивостока, многих сел и деревень говорят о том, что тимуровцы внесли свой посильный вклад в нашу общую победу над врагом.

В городе Пласт Челябинской области действовала тимуровская команда, которую возглавила семидесятилетняя «баба Шура» — так называли ребята Александру Петровну Рычкову.

«В самое тяжелое время, когда враг стремительно продвигался в глубь нашей страны, нас собрала баба Шура, — вспоминает бывшая тимуровка Пана Давыдовна Филиппова. — Мы, мальчишки и девчонки, делали все, что было в наших силах. Мы были очень горды, когда получили телеграмму от Верховного Главнокомандующего. Он благодарил нас за помощь фронту».

За полтора года тимуровцы этой команды помогли тысяче семей фронтовиков, собрали 124 тонны металлического лома, сдали в фонд обороны 100 тысяч рублей... 3 апреля 1943 года Секретариат ЦК ВЛКСМ постановил: «За проявленную инициативу в организации тимуровской команды и ее славной работы в дни Великой Отечественной войны, за исключительную заботу о бойцах и командирах Красной Армии и их семьях наградить Рычкову Александру Петровну ценным подарком ЦК ВЛКСМ, а тимуровскую команду Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ».

Тимуровцы Урала создавали «пионерские огороды», выращенные на них овощи передавали семьям фронтовиков. Они собирали золу, веточный корм, березовые почки и лекарственные травы для госпиталей. Слово «тимуровец» стало символом благородства, честности, заботы о людях.

Традиции тимуровского движения, рожденные сорок лет назад, продолжают юные ленинцы наших дней.

Тимуровцы страны составили не совсем обычную карту — «Имя Гайдара на карте Родины». Красные звезды Тимура оказались во всех уголках нашей страны — от Бреста до Чукотки. Около пяти миллионов юных тимуровцев шефствуют над ветеранами войны и труда, заботятся о малышах, идут дорогами боевой славы отважного писателя-

воина Аркадия Петровича Гайдара, чья комсомольская юность началась в гражданскую войну.

Это руками тимуровцев вместе со взрослыми открыта в Каневе библиотека-музей имени А. П. Гайдара, поставлен памятник Мальчиш-Кибальчишу в Москве около Дворца пионеров на Ленинских горах, открыты мемориальные доски в тех местах, где работал и сражался Гайдар.

Это руками тех, кто любит творчество Гайдара, собран металлолом на тепловозы и корабли, носящие имя писателя, умелого вожатого советской пионерии.

Гайдар живет среди нас. Его герои остаются нравственным примером и ориентиром для миллионов ребят. И чем дальше отдалает нас история от той героической минуты, когда фашистская пуля оборвала жизнь писателя-бойца, тем неодолимее наше стремление как можно больше и полнее знать о Гайдаре и героях его книг. Одно из лучших своих произведений А. П. Гайдар назвал простым словом — «Школа». Но под этим простым понятием был высокий смысл: школа — это вся жизнь, наполненная борьбой и трудом во имя грядущего, это стремление приходить на помощь людям, оценивать свои поступки самой точной мерой — мерой правды. А. П. Гайдар хорошо знал школу жизни, где каждый шаг был подчинен главному — служению делу революции.

Сорок лет минуло с того дня, когда вражеские снаряды разорвали предрассветную тишину нашей Родины. Но память о войне жива в сердце народном. И будет жить вечно. Главное в делах тимуровцев наших дней — забота о ветеранах, чьим подвигом создано и защищено все прекрасное на нашей советской земле. О важности этой работы еще раз напомнил Л. И. Брежнев в своей книге «Малая земля». Добрая слава идет о тимуровцах Смоленской и Архангельской областей, Ставропольского края, о ребятах из Арзамаса, Стерлитамака, Казани, Канева, Донецка, Львова, Ростова-на-Дону, Тамбова, Душанбе и Инты, чье тепло согревает тысячи сердец. Пионеры-тимуровцы окружают заботой семьи военнослужащих, заботятся о досуге малышей подшефного детского сада в своей зоне действия, борются с современными «квакинцами», участвуют в сооружении мемориальных памятников на местах исторических событий, следят за сохранностью памятников героям гражданской и Великой Отечественной войн. Тимуровцы Харькова взяли шефство над семьями тех девушек и парней, которые уехали на строительство БАМа, на ударные комсомольские стройки.

В дни VIII Всесоюзного слета пионеров в Москве на секции «Тимуровец» ребята рассказали об интересных делах своих отрядов и команд на селе. Тимуровцы Украины взяли шефство над огородами ветеранов. Они помогают вскапывать их, ухаживают за овощами,

помогают ветеранам в сборе фруктов. И, как Тимур Гараев, помогают заготавливать дрова. Взрослые на уборке урожая, а тимуровцы собирают малышей в свой тимуровский детский сад. Ребята создают на селе «бюро добрых услуг» по ремонту электроприборов, вместе с голубыми и зелеными патрулями борются с браконьерами, проводят операцию «Дым в лесу» по охране зеленого друга. Совершают путешествия по местам, где работал, сражался, писал свои книжки Аркадий Петрович Гайдар.

Тимуровцы Белоруссии взяли шефство над подъездами домов, чтобы сохранять тепло. Тимуровцы Краснодарского края проводят операцию «Материнская слава!» — окружают заботой матерей, чьи дети погибли на фронтах войны. Московские тимуровцы заботятся о Московской детской областной больнице. Тимуровцы Киргизии участвуют в операции «Саженец». И так повсюду, где действуют тимуровские команды и отряды.

...Сорок лет минуло с того дня, когда не стало Гайдара, всадника, скачущего впереди. Но Гайдар всегда молод, и в сердцах подрастающих поколений он навсегда останется романтическим человеком, человеком подвига, чье творчество и чья жизнь устремлены и в день сегодняшний и в день завтрашний. Школу гайдаровского мужества, верности делу революции и любви к Отечеству проходят все новые и новые поколения советских ребят, утверждая на земле наш советский гуманизм, наш советский образ жизни, даря людям радость.

Гайдар всегда впереди пионерских колонн. И видимо, трудно лучше сказать об этом, чем сказал один из делегатов II Всесоюзного слета тимуровцев: «Гайдар будет жить вечно, и вечно живым памятником Гайдару будет тимуровское движение».

С. ФУРИН.
главный редактор журнала «Пионер»,
начальник Всесоюзного штаба Тимура

Рис. А. Каратеева

С января 1979 года ходит по просторам Нечерноземной зоны России агитпоезд ЦК ВЛКСМ «Ленинский комсомол». В его штабном вагоне висит необычный календарь. На нем каждое утро меняется цифра, обозначающая количество дней в пути.

860. Столько дней прошел поезд, когда его покидала экспедиция нашего журнала. Кандидат сельскохозяйственных наук В. Мухортов, писатель И. Пономарев, журналист В. Кулагин — в таком составе работала она в Свердловской области, самой восточной в Нечерноземье.

Участники экспедиции выступали перед ребятами в пионерских лагерях, школах, на полевых станах ученических производственных бригад, знакомились с опытом их работы в пятилетке ударных пионерских дел по обновлению и преобразованию древней уральской земли.

«ХЛЕБ-СОЛЬ» НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

Такое бывало утром, когда агитпоезд, сделав ночной бросок, тормозил на очередной станции. Освеженный прохладой, он стоял будто умытый, и еще нежаркое, скрытое маревом солнце играло в праздничной красочности его вагонов.

Как и положено, первыми встречали поезд мальчишки. Любуясь необычным его нарядом, рассматривая броское оформление, они словно ждали той самой главной минуты. И она наступала.

Кипел, взвихряясь приветственными речами, многолюдный митинг на привокзальной площади, но прежде, до этих речей, до этого кипения, статные уральские девчата подносили на расшитых рушниках пышный румяный каравай, наверху которого белел овал солонки с крупной зернистой солью.

«Хлеб-соль», словно эстафету, передавали города и райцентры Свердловской области, самой восточной земли российского Нечерноземья, по которой пролег маршрут агитпоезда «Ленинский комсомол».

Короткими были митинги, и мы, представлявшие на «борту» поезда клуб «Человек и природа», с нетерпением ждали новых встреч с пионерами и школьниками этого благодатного края.

Но пока прозвучит команда на выезд, пока побежит навстречу автобусу ли, «газику» шоссейная или проселочная дорога, ухабистая и тряская, невольно в который раз смотришь на поезд-красавец и мысленно переносишься в грозные годы гражданской войны.

Так и видится маленький игрушечный паровозик с черным султаном дыма над высокой трубой. Несколько теплушек в кумаче транспарантов и флагов. Матросы в перекрестье пулеметных лент, с тяжелыми кобурами маузеров на боках.

1919 год. Огнем гражданской войны, подлым огнем интервенции охвачена Советская Россия. Блеск сабель, гарь снарядных разрывов, дробный перестук пулеметов — все это там, на передовых линиях многочисленных фронтов, а здесь, в глубинных районах центральной России, залистый говор гармоник, перестук искрометной кадрили возле теплушек и митинги, митинги, на которых звучат слова ленинской правды о новой жизни, о смысле и величии свершившихся коренных перемен. То агитпоезд «Октябрьская революция», и руководит им Михаил Иванович Калинин.

Да, далеко ушло время, но такова уж поступь истории. Сегодня наш агитпоезд — это лекции и беседы, концерты, школы идеологического актива и передового опыта. До пятидесяти мероприятий в день, встречи с десятками тысяч тружеников района под девизом «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!».

Вот о чем думаем мы, пока ждем команды на выезд. И конечно же, о предстоящей встрече с юными хозяевами уральской земли; с теми, кто, участвуя в пятилетке пионерских дел, своим посильным трудом помогает взрослым преображать и обновлять древнюю землю Нечерноземья.

Их было много, подобных встреч. О самых интересных наш сегодняшний рассказ.

Сад над Ницей

Ирбит щедро раздаривал жару. Даже слышно щедро. Казалось, само солнце расплавилось, и там, в белесом, без единого облачка небе, висит какое-то расплывчатое бледное блюдо. Сникли запыленные липы на привокзальной улице, устало, нехотя шелестели тополя, и даже воробьи, взъерошив перья, попрятались в тень, под штабеля строевого леса.

Но за городом, только автобус прогремел по деревянному настилу моста, посвежело.

— Неужели дождь собирается? — ни к кому не обращаясь, спросил шофер. И было непонятно, чего больше в этом его вопросе — радости или удивления.

Когда же, распугивая гусей и кур, автобус взобрался на вершину холма, к центральной улице поселка Ключи, и открылся примечательный вид на голубую пойму Ницы, на дали, убегающие к темной кромке леса у самого-самого горизонта, и вправду стало ясно — дождь подступает. Там, над лесом, над его темной кромкой висела пепельная, клубящаяся туча. Она так и рвалась закрыть солнце, и в ее пугающей густоте посверкивали зигзаги молний.

— Дождь подступает. Пойдемте сразу в дендросад! — Андрей Харин, бригадир здешней ученической производственной бригады, отворил калитку и первым шагнул в зеленый полумрак густо посаженных деревьев.

Тополя, березы, клены и вязы, привычные для уральских мест, крепко вросли в землю. В самом конце участка, возле низкого штакетника, высились несколько сибирских ранеток — разлапистых яблонь, видимо, уже старых, но все еще густо осыпавших осенью красным бисером плодов. А дальше, за штакетником, по краю обрыва тянулись причудливые переплетения крапивы, лопухов и аниса. Оттуда тянуло жаром, терпким горьковатым запахом пустырей.

— Вот оно — наше хозяйство. Здесь и там, — Андрей махнул рукой в сторону поймы. — Видите. Вон, вон озерцо блестит! Вокруг него наш турнепс.

Слово «наш» он явно выделял, и по всему было видно, что это ему нравится.

Там, внизу, Ница делала большой изгиб. Левый пологий берег ее горел изумрудом. То была плантация ребячьей бригады.

А солнце между тем скрылось, первые капли дождя вспугнули рыболовов, и те начали спешно взбираться вверх, к поселку по крутой желтой тропе. Дождь припустил сильнее и вскоре пал плотной серебристой завесой.

Вымокшие, вбежали мы в школу. Пахло сырой штукатуркой, олифой и масляной краской, словно в мастерской художника. Шел ремонт, и проводили его сами ребята.

Здесь только я как следует разглядел Андрея. Светлые льняные волосы сваялись на го-

лове его в затейливые кружева кудрей, из-под выгоревших на солнце бровей, будто капли голубых далей, светились васильковые глаза. Взгляд был добродушным, приветливым. Андрей положил на парту не по-детски крупные, дотемна загорелые руки и ненадолго задумался. А потом начал рассказывать, основательно, не торопясь, то и дело вставляя в разговор поговорку: «Куда ни кинь — везде клин».

Потом я понял, что в поговорке этой был свой глубокий смысл.

Действительно, выходило, что в обширных угодьях колхоза «Искра» везде ребячий, комсомольский клин. В пойме десять гектаров турнепса. Тут ребята полные хозяева: пропаывают, убирают сами. На кукурузной плантации без них тоже не обойтись. В посевную, например, ездили на агрегатах, следили, чтобы ровно ложилось в землю янтарное зерно. А пшеница? Налетает крепостью хлебная нива, многие пойдут на комбайны штурвальными. Сто гектаров под зерновыми в ученической бригаде, кому же, как не им, убирать их. Да еще свой огород в два гектара. Лук, капуста, картофель. Надо же обеспечить себя в дни пятой трудовой четверти, да и на зиму овощей припаси.

Андрей говорил со знанием дела. Чувствовалось, что исконно крестьянская работа на этой, не балующей богатыми почвами земле не только привычна ему, она приносит пусть скромную, но осознанную радость труда. Ина-

че к чему выходить на те самые клинья, что вместе составляют обширное ребячье поле.

— Трудно бывает? — спросил я, когда Андрей, умолкнув, подошел к окну и стал смотреть на стекающие по стеклу непрерывные потоки воды.

— Всяко бывает. — Он протер припотевшее

изнутри стекло. — Вот как дождь. То мелкий, то такой проливень, а то грибной, с радугой. Лагеря-то у нас нет стационарного, по домам вечером расходимся, так, поверите, не хочется от ребят уходить. Встанешь утром с петухами и маешься — поскорее бы в бригаду, что там горнист уснул, что ли, не играет сбор. Вместе-то ой как интересно! Мы не только работаем, а в походы ходим. Концерты даем. А рыбалка! — Андрей вздохнул. — Приезжали бы вчера. Эх, каких щук натаскали мы в озерце! А лес? Да что это, все я да я. О лесе вам лучше Ира Загуменных расскажет. Сейчас позову.

Поначалу Ира волновалась — слова не вытянешь. Но потом успокоилась. А рассказать было о чем.

Мы избалованы цифрами показателей и отчетов и подчас ленимся представить, что же стоит за ними. 20 гектаров двухлетних сосенок. Много это или мало? Много, целый хвойный бор! И посадили его мальчишки и девчонки из Ключей.

На обратном пути я попросил шофера остановиться возле реки. Отсюда, снизу, хорошо видна была школа на крутом откосе холма. Я представил, как во время цветения ветер срывает с ранеток белые лепестки. Некоторые долетают до Ницы и плывут к Ирбиту, кружась на быстрине перекатов. Плывут добрыми вестниками полезных ребячьих дел.

Бобровна — внучка Оби

Артемовский. Здесь уже чувствуется дыхание великих сибирских равнин, и реки текут тут на восток к могучей матушке — Оби. Видимо, потому и мера расстояний у здешних жителей иная, что им километр или верста.

От поезда к 10-й городской средней школе шел я с двумя шестиклассниками. «Тут недалеко», — успокоили они меня. Но до этого «недалеко», как оказалось, сорок минут хода.

Город есть город. Пятиэтажки и башни новостроек, асфальт, булыжник, молодые, не дающие пока тени деревья по бокам утоптанной вдоль шоссе тропинки. У колонки женщины берут воду. Резные коромысла прислонены к забору. Из подворотен, высунув морды, провожают нас взглядом собаки. Они не лают. Жарко. Лень.

И вдруг высокие деревья: то ли сквер, то ли парк.

«Это наша школа, пришли».

Девочки поднимаются на высокое крыльцо — позвать Веру Демьяновну, учительницу биологии, а я огибаю здание и иду, иду, пересекая аллею за аллеей. Наверное, сверху они кажутся зеленым длинным порталом со ступеньками, поднимающимися от конца участка к трехэтажному зданию школы. Это и понятно, посадки начинали от здания, здесь самые старые и высокие деревья, а потом все дальше, все

ближе к ограде палисада. Разница в возрасте, разница в высоте и росте.

У каждой аллеи своя табличка, прикрепленная на крайнем дереве. Читаю: аллея XXV съезда КПСС (это тополя), аллея 40-летия Артемовска (сорок рябин), аллея 110-летия В. И. Ленина (сто десять березок), аллея 35-летия Победы (лиственницы и сосны) и самая молодая, с невысокими деревцами аллея выпускников нынешнего года из 75 кленов.

Вот тебе и сквер! Трудно представить, что одиннадцать лет назад здесь был пустырь — щебенка, песок, глина.

За разглядыванием надписей и застаёт меня Вера Демьяновна Торопова.

— Здравствуйте, вот я с кем пришла!

Прячутся за спину учительницы двое мальчишек. Крохотные какие! Прямо детский сад.

— Маленькие? Зато удаленные. Ну-ка не стесняйтесь, идите-ка сюда. Ближе, ближе!

Первая робость проходит, и пятиклашки Вова Векшин и Олег Мухачев показывают мне удостоверения голубого патруля.

Перебивая друг друга, маленькие патрульные с помощью Веры Демьяновны рассказывают о своем житье-бытье. Интересная картина получается.

Конечно же, в дозор ребята ходят с родителями. Но голубые повязки на рукавах и удостоверения — это серьезно. Их указаниям подчиняются и взрослые и ребята постарше. А все потому, что за спиной голубого патруля стоят взрослые, и самое главное, работники райисполкома. На любой сигнал они тотчас реагируют, принимая срочные меры.

История отряда такова.

Был когда-то за школой пруд с чистой водой и небольшим песчаным пляжем. Но незаметно захирел, зарос. Стирали тут окрестные хозяйки белье, шоферы мыли машины, да и горожане (как-никак зона отдыха) оставляли на берегу хлам и мусор.

Пять лет назад организовали в школе голубой патруль. Тридцать человек, пять звеньев. У каждого звена дежурство раз в неделю. Ребята приучили и сверстников и взрослых, что патруль не забава, не игра. Теперь редко кто не слушается дозорных. О посадках и мостках из плота, на котором плавали раньше местные ребята, речь шла раньше. Возрождается пруд. Чище становятся и воды Бобровки что течет неподалеку и несет свои воды в Туру, а значит, и в Обь.

За прудом лес с моховым болотцем. Оно питает Бобровку. Но вот беда — здешний завод сбрасывал в болото сточные воды. Гибла в реке рыба, тускнела вода. Вмешались дозорные. Вместе с Верой Демьяновной не раз ходили в райисполком, стыдили родителей (они же на этом заводе работают) и добились своего. Построили на заводе очистной комплекс. Светлее стали плесы Бобровки — внучки матушки Оби.

В. КУЛАГИН

Чтобы стать сильнее...

Сегодня, когда природа уже вошла в самую середину осени, вообще почти каждый предмет в лесу почему-то напоминает о грибах. Возможно, это происходит оттого, что сам лесной воздух до предела пропитан терпкими грибными запахами, винным духом опавшей листвы и доброй прелестью пожухших трав.

Вдыхать такой воздух, любоваться красками октябрьского леса, слушать его тишину — нет более отрадного занятия в осеннюю пору для Глебки Попова и его закадычного друга Жени Парамонова, шестиклассников из 44-й средней школы старинного уральского городка под названием Реж. И потому у них редкий свободный час обходится без вылазки на природу: то на рыбалку кинутся вверх по широкой и полноводной режевской запруде, то на болота по ягоды унесутся, но чаще всего убегают в лес за грибами, благо он начинается сразу же за городком. Вот и сегодня, в воскресный день, ребята не остались дома, а взяли лукошки и с утра пораньше подались на «тихую охоту». До полдня они бродили по лесным чащобам, а сейчас вышли на поляну со стожком, что похож на гриб, и присели на опушке отдохнуть и обсудить один странный случай. А случай такой. Впрочем, все по порядку.

Гlebка и Женя — члены школьного лесничества, которое давно уже шефствует над местным лесхозом. Ребята каждую весну ездят в этот лесхоз по выходным дням и по субботам после уроков помогать взрослым очищать лес от хлама, сажать сосновые и кедровые деревца, заготавливать листья мать-и-мачехи, шишки ольхи и «пестики» сосен; летом ребята всегда готовы оказать посильную помощь в охране леса от пожара и вредных насекомых, а уж про то, как много собирают они в эту пору листьев подорожника, брусники, цветов полыни и других лекарственных трав, вам любой аптекарь в Реже скажет: «Берендеи — наши главные поставщики». Глебка и Женя тоже любят собирать травы, находя в этом занятии немалый интерес для себя. Впрочем, этим ребятам любое доброе дело, связанное с лесом, представляется интересным, потому что лес для них не просто скопище деревьев, а целое зеленое царство, где хранится множество разных загадок и тайн, раскрывать которые им доставляет огромную радость. Нынче в мае юные берендеи закладывали кедровый бор в редколесье близ болота на одном из участков лесхоза. Женя мечом Колесова делал углубления в земле, а Глебка опускал в эти углубления двухлетние «кедрята», привезенные из лесхозного питомника. За воскресенье два друга посадили более двухсот деревцев, а всего в тот памятный для Глебки и Жени день их школьным лесничеством было посажено около трех тысяч зеленых малюток.

Когда посадка кедровника закончилась, Глебка обратил внимание своего друга на но-

венькую дуплянку, висевшую на сосне, а точнее — на парочку синиц, для которых, собственно, и предназначалась эта дуплянка. Однако у нее оказался слишком узкий вход, и синицы пролезали в него с большим трудом. «Надо будет вход расширить ножиком, пока птенцы не завелись», — решили мальчишки и уже было собрались взобраться на дерево, как вдруг раздалась команда садиться в автобус. Только на третий день вечером удалось ребятам вернуться к дуплянке. Однако расширять вход не потребовалось: эту работу проделал за них кто-то другой, но не лезвием ножа, не острием стамески или долота, а как бы тупым гвоздем и грубым рашпилем. Отверстие стало широким, синицы проскальзывали в него теперь свободно. Все это ребята узнали, побывав на сосне поочередно. И еще они выяснили, что отверстие расширял кто-то, не снимая дуплянку с дерева. Как раз этот-то факт и заставил друзей задуматься над тем, кто же именно помог синицам. Если это был человек, то почему он не снял птичий домик на время ремонта? И почему он работал не острыми инструментами, а чем-то непонятным? А если это был не человек, то кто же тогда? Ведь не сами же синицы расширили вход в домик. Наверняка у них нашелся умный помощник. Но кто конкретно? Птица? Зверь?.. Тайна!

Глебка и Женя хотели тотчас же поведать обо всем в классе, но раздумали, опасаясь, что интерес к их сообщению может обернуться для птиц нежелательной стороной: ребята примутся изучать работу таинственного синичьего помощника и, сами того не желая, выживут птиц из дуплянки. «Расскажем позже, когда синицы выведут птенцов и улетят», — решили друзья. — А пока займемся всякими летними делами и разгадками более простых тайн леса». На лето юных берендеев вывезли в пионерский лагерь «Звонкие голоса», с одной стороны которого раскинулся по холмам сосновый бор, с другой — смешанный лес, а третью и четвертую стороны омывало широкое Режевское водохранилище. В распоряжении ребят оказался великолепный пляж с «лягушатником», катера и лодки. Купайся, плавай, звонкоголосый люд! Загорай, отдыхай, набирайся новых сил!

Но отдыхать и набираться сил можно по-разному. Можно просто валяться день-деньской у реки, бездумно жарясь на солнце, а можно и в лес углубиться, чтобы изучать жизнь растений и насекомых, повадки птиц и зверья. Впрочем, если ты настоящий берендей, то и на территории лагеря сумеешь найти уйму интересных вещей в природе. В этом я убедился еще раз, когда только что познакомился с героями моего рассказа Глебкой и Женей. Стоя в дальнем закутке лагеря, они наблюдали за жизнью муравейника, находя в ней немало общего с людской. Муравьи натолкнули ребят и на разговор о том, как насекомые и млекопитающие борются с... огнем. Женя вспоминал: «Я где-то читал, как медведь, заведя остав-

ленный людьми костер, забрался в воду, а потом мокрый подошел к огню и стал по-собачьи отряхиваться, гася пламя брызгами. И делал так раз, другой, третий — словом, до тех пор, пока не погасил». Глебка заметил: «Медведь — это не удивительно: он, можно сказать, умный. А вот ты растолкуй лучше, откуда у этих безмозглых муравьев при виде огня умишко берет?» Сказав это, Глебка попросил у меня спички и зажег одну. То, что произошло дальше, показалось мне фантастикой. Глебка положил горящую спичку на суглинок, через который пролегала муравьиная дорожка. Большие красные муравьи, сновавшие по ней взад-вперед, сперва замерли на месте как бы в удивлении с раскрытыми челюстями, а потом вмиг взяли огонь в кольцо и, подогнув под себя брюшки, принялись дружно поливать пламя тонюсенькими струйками кислоты. Спичка вскоре погасла, не догорев до конца. Чудо! Тем более чудо, что сколько раз я ни пытался повторить опыт Глебки, он у меня не получился таким, как у него: ну, два-три муравья пустят по струйке, а остальные суетятся вокруг, да и только. Впрочем, у Глебки потом тоже почему-то не стало получаться так замечательно, как в первый раз. Однако факт остался фактом: муравьи знают, чем бороться с огнем. Но откуда? Кто их научил? Тайна! Причем тайна, находящаяся у нас, как говорится, под самым носом. Видать, не зря сказано: удивительное — рядом. Только надо захотеть и суметь его увидеть. Глебка и Женя хотят и умеют. Правда, не все из увиденного удастся им понять пока до конца. Но уж если что поймут, обязательно поделятся со всеми ребятами радостью своего открытия.

Глебка — тот даже вменил себе в обязанность обходить группы младших ребят и вести с ними беседы о природе и ее охране.

У берендеев школы на счету тысячи посаженных деревьев, и почти все они прижились, растут. Ребята круглый год осуществляют в выделенном им лесу охрану — совершают патрульные обходы. Ведут наблюдения в природе, ухаживают за лесными культурами, роют противопожарные полосы, расселяют муравейники, выявляют памятники растительного мира, заботятся о родниках, борются с водной эрозией. Заготавливают шишки, веники для зимней подкормки диких животных, строят и вывешивают домики для полезных птиц, а в городе озеленяют улицы и скверы, нынче разбили сад возле нового здания школы. Результаты всех берендеевских работ очень высоко оцениваются школьными биологами и специалистами лесхоза, которые, кстати, обучают ребят основам лесоводства и охраны природы чаще не в классе, а в лесу и в поле. Знания и опыт, передаваемые взрослыми ребятами, природоведческая литература, практические занятия в «зеленой лаборатории под открытым небом» — все это весьма и весьма помогает берендеям быстро овладевать тайнами природы. А ведь мудрость гласит: «Постигший тайну об-

ретает силу». Здесь: силу в том смысле, что может господствовать над природой, разумно управлять ею, быть ее рачительным хозяином. Берендеям очень хочется обрести такую силу. И поэтому они самым серьезным образом штудируют «Жизнь животных» Брема, жадно слушают рассказы специалистов о флоре и фауне родных мест, подолгу просиживают за микроскопом...

А Глебка и Женя вдобавок все свободное время отдают походам по лесам, ища и раскрывая их тайны. И тайн раскрыто ими уже немало. Но эта, что связана с загадочным помощником больших синиц, пока остается, как говорят, за семью печатями. В школе уже почти все берендеи знают о ней, многие взбирались на дерево и осматривали вход в дуплянку, но толкового объяснения дать пока не могут, хотя предположений всяких, как всегда, множество...

— Да, очень странный случай, — рассуждают Глебка и Женя, сидя сейчас на краю поляны со стожком, похожим на гриб. — Видимо, придется снять дуплянку с сосны и показать знающим людям. Давай снимем, а после опять повесим...

...Часа через два, сняв синичий домик с дерева, друзья снова шагают лесом, грохоча палой листвой и сухими ржавыми листьями борщевика. Дуплянку несет Глебка. Вдруг он останавливается перед старой толстой елью. Внизу ее видно широкое прямоугольное отверстие, ведущее к тухлятой сердцевине ели. Его продолбил черный дятел желна. Глебка внимательно изучает желнины подолбки на ели, потом переводит взгляд на кем-то расширенный вход в дуплянку и радостно восклицает:

— Смотри, Женя, почерк одного и того же мастера что на ели, что на дуплянке! Выходит, синицам желна помогала!

— Да неужели?! — поражается Женя, но, сравнив подолбки, соглашается: — Да, она самая. Но как же она сообразила помочь синицам?

— Видать, птицы намного умнее, чем мы привыкли считать, — подумав, — заключает Глебка и восхищается: — Ай да мы — какую тайну раскрыли!..

Рис. С. Аристакесовой

Итак, раскрыта еще одна тайна природы. И два ее друга стали еще сильнее. Вернувшись в город, они поведают о своем открытии другим, и те тоже станут сильнее. Вот так и прибывают силы у юных уральских следопытов и будут прибывать без конца, ибо тайнам природы нет числа, а желание ребят быть сильными беспредельно. И хочется верить: сил у них накопится столько, что ребятам будут подвластны все леса, поля и воды родного их сердцу уральского Нечерноземья.

И. ПОНОМАРЕВ

Последняя остановка в Нижнем Тагиле. Мы прощаемся с поездом, с уральской землей. Стоим у обелиска. На гранитной стеле две стрелы. На одной выведено «Европа», на другой — «Азия». Да, здесь рубеж двух континентов, но для нас это символический рубеж. Там, за хребтом, простирается Нечерноземье.

Мысленно окидываем взором обновленные пашни, окультуренные пастбища, добротные поселки колхозов и совхозов, приземистые здания животноводческих комплексов. А вправо — сибирские равнины с нефтяными вышками Тюмени, светлая змейка Байкало-Амурской магистрали и поля, плантации, стройки, плотины вплоть до Тихого океана. Все это Родина, наша социалистическая Отчизна. И отраднo, что повсюду идет обновление земли. Так начертано в решениях XXVI съезда ленинской партии, так записано в планах одиннадцатой пятилетки.

Мы вспоминаем ребячьи светлые лица.

Родина! Тебе — верность юного поколения страны. Тебе — полезные дела красногалстучной пионерии! Ей принимать от старших эстафету трудового подвига, эстафету борьбы за мир, за коммунизм! Она достойна тебя, Родина!

ОТШЕЛЬНИК КАЛИНИНСКИХ ЛЕСОВ

В этом году исполняется 50 лет Центрально-лесному государственному заповеднику. Он был организован в 1931 году на самом водоразделе двух могучих русских рек — Волги и Западной Двины. Отсюда, из одного кочковатого болота, вытекают два ручья с чуть желтоватой, но чистой и всегда холодной водой, постепенно набирают силу и превращаются в реки: Жукопу, впадающую в Волгу, и Межу — крупный приток Западной Двины.

Работают в заповеднике ученые разных специальностей: ботаники, зоологи, почвоведы, географы. Помогают им лесники и егеря. Задача у всех не простая: как в наше время машин и техники, в век химии, использования атомной энергии и космических кораблей сохранить лес. И не только сохранить. Нужно, чтобы он рос, служил человеку, радовал его чистым звоном ручьев, мягким шорохом листвы да смолистым духом хвои. Чтобы не перевелись в нем россыпи яркой брусники, клюквы и заветные грибные места, птичьи песни и зверье.

Широкими лентами тянутся между полей дремучие калининские леса. Вплотную подступают они к селам и малым деревушкам, прижимаются к ручьям и речкам, окаймляя сенокосные луга и пастбища. В этих лесах и расположился Центрально-лесной заповедник — настоящее медвежье царство. Летом на мягкой лесной почве повсюду можно встретить характерный пятипалый отпечаток лап хищника. В прошлом на медведей усиленно охотились, и численность зверя заметно сократилась, а местами он исчез вовсе. Но непролазные дебри и удивительная способность бурого медведя обходиться растительной пищей сохранили этого зверя в калининских лесах. Полный же запрет охоты способствовал тому, что численность медведя стала довольно высокой — в заповеднике и его охранный зоне сейчас их около 60.

Летом медведи равномерно распределяются по занимаемой территории, питают-

ся различными травами, черникой, малиной, но ближе к осени забот у мишек прибавляется — нужно накопить побольше жира, чтобы безбедно перезимовать. Медведицам и того хлопотней, им придется до самого апреля кормить в берлоге малышей, которые родятся в середине января. Появляются они слепыми и глухими, а весят всего около 500 граммов. Растут в эту пору медленно, как бы помогая матери экономно расходовать жировые запасы.

Медведь — самый крупный наземный хищник, применяющий различные приемы охоты. Он может осторожно подкрадываться к лосю или кабану, поджидать их в засаде и бросаться на животное с короткого расстояния — например, как тигр. Иногда медведь упорно, многие километры преследует намеченную жертву, стараясь перерезать ей путь, загнать в завалы, болото, реку, где ему легче с ней справиться. В этом случае медведь охотится, как волк,—

вдогонку и загоним. Несмотря на такие хищнические способности, крупное копытное медведь добывает редко. Он больше довольствуется мелочью: мышами, муравьями, осами, а иногда птицами и их кладками. Этого бывает достаточно, чтобы удовлетворить потребность зверя в животной пище.

Медведи ведут одиночный и одиночно-семейный образ жизни. Они не любят вмешательства пришельцев и охраняют свою территорию, оставляя на пересечениях дорог и звериных тропах «метки». Лесные великаны уважают суверенитет друг друга и живут мирно, но звери одинаковых размеров в соседстве не селятся. Явление это пока объяснить не удалось. Возможно, одинаковые по размерам и силе животные не могут выявить «мирным путем» приоритет друг перед другом и стараются лишней раз не встречаться. Медведица с медвежатами вместе живет полтора года. Иногда уже отошедшие от матери «лончаки» вместе залегают в берлогу, но уже весной, в возрасте старше двух лет, они расходятся. Каждый находит себе «свое место» и живет отшельником.

И все же бывают случаи, когда несколько медведей собираются на маленьком участке. Чаще это можно наблюдать осенью на Камчатке и Дальнем Востоке, где медведи ловят проходящего на нерест лосося, а иногда и весной, на побережье, у туши выброшенного морем кита или моржа. В районе нашего заповедника медведи собираются вместе у овсяных полей, расположенных среди лесного массива.

Конец лета — ответственная пора в сезонной жизни медведей — так называемый «нажировочный» период. Начинают мишки

ходить с места на место, проверяя ягодники, заросли лещины, рябинники — ищут урожай получше. Не каждый год лес щедро одаривает их кормами. Тогда приходится медведям идти к овсяным полям. Овес для них не лакомство, как иногда об этом пишут, а калорийный корм, на котором медведи быстро жиреют. Несмотря на то, что человек преследует зверя за поправы овса (на «овсах» издавна охотились на медведей), мишки ходят на поле, рискуя своей шкурой, — не накопив жира, в берлоге не улежишь. В неурожайный год почти все медведи собираются к полям, засеянным овсом. Особенно страдают мелкие участки, расположенные среди леса.

Как же уживаются эти отшельники, привыкшие к одиночеству, в местах их вынужденного скопления? Каким образом разрешают конфликты? У бурого медведя, например, мощные зубы и когти. Как часто он применяет их, чтобы отстоять свое право сильного? Эти и другие вопросы необходимо разрешить, чтобы понять взаимоотношения медведей, объяснить целесообразность этих форм поведения для блага самого же медведя.

Ученые заповедника много лет наблюдают за бурыми медведями близ овсяных полей, наиболее удаленных от жилья человека. На этих участках, прикрытых лесом, скапливается от 4 до 11 зверей. Вот тут и проявляются у бурых медведей черты поведения, которые были скрыты, как бы «хранились про запас», в сложной схеме общественного поведения зверя.

Основной формой общения медведей друг с другом является своеобразная сигнализа-

ция. Зверь ставит на дереве свои метки: задиры когтями и закусы зубами на коре, трется о ствол холкой и головой, чтобы оставить «свой» запах. Да еще вблизи дерева-маркера «выкрутит» задними ногами, широко шагая и раскачивая тело, глубокие лунки — оставит «следовую метку». Чем крупнее медведь, тем больше у него лапа, следовательно, значительно размеры лунок. Другой медведь, если появится у такого дерева, обязательно обнаружит чужой запах и «пройдется» по «следовой метке», как бы оценивая «на ощупь» размеры «лохматого собрата». Так медведи, не встречаясь «в лицо», узнают и о размерах и, возможно, о других качествах друг друга. Но у овсяных полей им приходится встречаться с глазу на глаз, так как наиболее удобные для кормления часы — вечерние и утренние сумерки. Днем и глубокой ночью медведи обычно отдыхают.

Еще только начнет наливать зерно в метелке овса, а медведи уже пробуют его. Сначала понемножку, пока не привыкнут, а потом аппетиты растут. Через 6—8 дней взрослый медведь способен за два-три приема в течение суток съесть до 15—20 килограммов зерна. Жируют на овсах медведи 15—17 дней, до тех пор, пока созревшую культуру не уберут с поля. Если оставить часть поля нескошенной (так иногда делают для подкормки медведей), то отдельные звери будут ходить на этот участок до снега.

Взрослый медведь в течение часа обрывает не более 5—6 килограммов зерна. Значит, в течение суток ему нужно на овсяном поле провести не менее трех-четырех часов. У каждого зверя есть «свои» кормовые площадки. Перед выходом на поле медведь катается по траве. Иногда он это делает и на самом поле. На кормовой территории медведь сидит, а нередко и лежа подгребает к себе то левой, то правой лапой стебли овса и обрывает с них зерна, захватывая сразу несколько метелок в пасть. Поэтому и на подходе к площадкам, и на самом поле, где медведь кормится, остается его запах, который и является первой заявкой на собственность. Медведи стараются не ходить на «чужие» кормовые площадки. Если же поле маленькое, а зверей собирается несколько, то неизбежны встречи, и уж тут необходимо отстаивать свое право. Самый крупный и сильный медведь не очень обращает внимание на присутствие другого зверя. Смело и решительно выходит он на овсяное поле. Увидев соперника, кормиться не станет, а будет медленно, с остановками приближаться к нему, то опуская голову до самой земли, то задирая ее высоко вверх и приподнимаясь на широко расставленных негнущихся лапах. Атакуемый зверь не всегда спешит убираться восвояси. Он может с ревом сделать бросок-другой в сторону пришельца, но если тот не дрогнет и не повернет к лесу,

то вскоре более мелкий медведь, хоть и пришел первым на поле, убежит прыжками в лес. Победитель сделает ему вдогонку пугающий бросок, шумно фыркнет, скособожится и, подняв шерсть на загривке, посмотрит по сторонам. После этого идет на свое место и спокойно ест. Когда стемнеет, ударивший медведь может опять выйти на поле, но теперь уже они будут мирно кормиться каждый на своем участке. Самые мелкие звери стараются приходить на поле пораньше, когда еще совсем светло, а нередко и днем — так спокойней.

Очень редко медведи сходятся вплотную друг с другом. И даже в этом случае до настоящей драки, как правило, дело не доходит. Они медленно тянут друг к другу морды и, когда между их головами остается расстояние в полметра, неожиданно оба одновременно широко раскрывают пасти. Такой элемент общения повторяется несколько раз подряд. Иногда при этом слышится храп. Редко происходит стычка, когда один из медведей не выдержит напряжения и ударит другого лапой. Сразу же следует резкая ответная атака, и после двух-трех оплеух звери разбегаются.

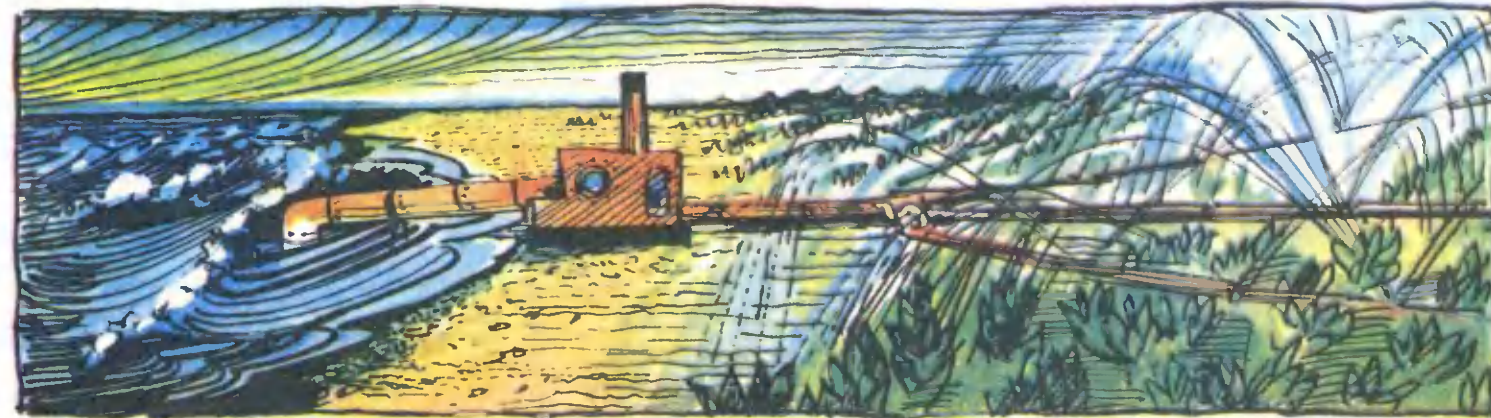
И совсем единичны настоящие схватки с выяснением явного преимущества одного из соперников. Чаще они бывают у крупных самцов. Завидя друг друга, звери не торопясь, пригнув голову к земле, сходятся как-то боком. Когда между медведями остается 5—6 метров, они с громким ревом бросаются друг на друга. При этом стараются сильно ударить противника лапой по голове, хватают зубами за шкуру и резко треплют головой. Две-три такие стычки, и кто-нибудь из соперников не выдерживает, убегает. Так устанавливается право сильного. И необязательно он займет лучшее место, но вблизи его никто не будет кормиться.

Иногда в период созревания овса с одного места можно наблюдать двух-трех медведей, а если осторожно обойти поле, сообразуясь с направлением ветра и заранее зная расположение кормовых участков, то можно насчитать и шесть-восемь зверей, кормящихся одновременно. В это время все участки между ними уже поделены согласно рангам, отношения выяснены.

Приходилось видеть на овсяном поле и медведицу с медвежатами. Она безбоязненно выходила из леса, и крупные самцы с почтением, как мне казалось, уступали ей место.

Общественное поведение медведей в группах у доступной и обильной пищи позволяет им лучше использовать кормовые угодья и в целом выгодно для зверей.

В. ПАЖЕТНОВ,
кандидат биологических наук
Фото автора

ИЗ САМОГО СИНЕГО МОРЯ

Можно ли поливать растения морской водой? Испокон веков люди считали, что она не годится ни для питья, ни для полива. И только совсем недавно ученые обнаружили, что некоторые растения развиваются при орошении морской водой ничуть не хуже, чем при поливе обычной — пресной.

Но зачем, спросите вы, пользоваться водой из моря, когда есть реки? Есть-то есть, но с каждым годом расходы речной воды увеличиваются — и в сельском хозяйстве, и в промышленности — и ее начинает не хватать. Это во-первых, во-вторых, во многих районах источников пресной воды нет вовсе. Да и вообще морям повезло на Земле значительно больше. Соленая вода Мирового океана составляет 97,4 процента.

Более десяти лет назад были начаты лабораторные опыты по использованию морской воды для полива во Всесоюзном научно-исследовательском институте гидротехники и мелиорации имени А. Н. Костякова. Руководила ими доктор сельскохозяйственных наук Ольга Григорьевна Грамматикати.

Первыми подверглись необычному испытанию ростки подсолнечника. Одну группу растений поливали водой, привезенной из Черного моря, в которой концентрация самой опасной соли — хлористого натрия — составляет 13 граммов на литр. Другую группу — контрольную — поливали водой из-под крана, в которой растворяли такое же количество этой соли. И что же? Сохранился снимок тех лет: в одной пробирке — крепкое, жизнеспособное растение, в другой — поникшее, сморщенное, будто его sprysнули ядом.

Это было похоже на волшебство и означало, что у морской воды есть какая-то тайна, которой люди до сих пор не знали и потому были уверены, что эта вода вредна как для них самих, так и для растений.

В 1972 году ВНИИГиМ перенес опыты на

берег Каспийского моря, в Дагестанскую АССР. Здесь высадили обычные саженцы в грунт и стали поливать их водой Каспия. Результаты налицо. Здесь выросла красивая, тенистая лесополоса длиной в полтора километра. В ней разные породы деревьев и кустарников: дикая маслина, тамариск, аморфа, белая акация.

А на Апшеронском полуострове в Азербайджане ученые решили проверить, как отнесутся к морской воде эльдарская сосна и гранатовые деревья. Воду в обоих случаях брали прямо из Каспия, не разбавляя и никак не обрабатывая. И растения прекрасно развивались, почти не отставая в росте от контрольных делянок, орошаемых пресной водой.

Ученые уверены: пройдет немного времени, и на пустынных сейчас берегах Каспийского моря зашумят напоенные им зеленые рощи, а под сенью деревьев расположатся базы отдыха и пионерские лагеря.

Пробовали поливать из моря и посевы — озимую пшеницу, ячмень, люцерну. А в Азербайджане удалось при таком орошении вырастить даже помидоры.

В чем же заключается секрет морской воды, которая оказалась безвредной для посевов и посадок вопреки бытовавшему мнению? Выяснилось, что, кроме вредных солей, в ней содержатся пригодные для питания растений компоненты — микроэлементы, органические вещества. Но главная ее особенность в другом. Морская вода представляет собой хорошо сбалансированную ионную систему: вредное влияние одних ионов уравнивается полезным действием на растения других.

Но для орошения можно брать воду не из каждого моря. Каспий — замкнутый водоем, не сообщаемый с океаном, в него впадает много полноводных рек. Его вода вдвое менее соленая, чем вода Мирового океана.

Для полива морской водой годятся, конечно, и далеко не всякие почвы, а только с высокой водопроницаемостью. Особенно хорош обыкновенный прибрежный песок, где вредные соли, особенно хлориды, быстро уходят на безопасную для растений глубину. Не исключаются и среднесуглинистые почвы, если вода после полива будет отводиться с полей с помощью естественного или искусственного дренажа. Тогда не произойдет ее засоления.

Т. МЕРЕНКОВА
Рис. В. Есаулова

ЛЕСНАЯ ГАЗЕТА

ОКТАБРЬ

...Стал молчаливым лес отныне,
И грусть разлита в тишине.
Бреду одна лесной пустыней,
Кипенья лета жалко мне.

Но вот другое обаянье
Меня в другой берет полон:
То обаянье увяданья —
Осенний сон, осенний сон.

Юлия ДРУНИНА

Дикая рябинка

Все чаще по утрам низины и овраги заполнены холодным белесым туманом. От этого кажутся они бездонными, а вся местность огромным молочным морем. Но постепенно тает туман, и все яснее выступают поблекшие рощи и перелески, поля и луга. Кажется, что с каждым разом туман уносит все больше и больше осенних красок. Потускнели лесные и полевые дороги. Частые мелкие и холодные дожди умывают землю, готовят ее ко сну.

Еще совсем недавно желтая краска была, пожалуй, самой главной, потому-то и не выделялось особенно высокое растение с крупными желтыми соцветиями так ярко, как сейчас, в середине осени. Правда, обнаружило оно себя еще летом, когда темно-зеленые резные кустики вдруг украсились солнечными корзинками из плоских круглых цветков. Это пижма обыкновенная.

В народе растение зовут дикой рябинкой, полевым рябинником. Присмотришься внимательнее, и действительно похожи своими обликами. Обе стройны, похожи и их темные листья, а соцветие, собранное из плоских корзиночек, напоминает рябиновую гроздь. И еще одна удивительная черта объединяет их. Чем меньше тепла и света, тем ярче становятся рябиновые гроздья. А вместо солнышка, которого осенью бывает мало, сверкают солнечные соцветия пижмы. Коротки осенние дни, вот и получается, что дарят пижма и рябина свет им.

Почему-то принято считать, что, как зацветет пижма, значит, скоро лету конец. Но в последние годы все чаще и чаще распускаются ее корзинки в июле, когда далеко еще до осени. И до самых холодов стоят в лугах, по краям полей и дорог, на пустырях крепкие высокие стебли с темно-зелеными разрезными листьями. А на верху стеблей большие красивые соцветия.

Пижма известна народной медицине давно. Лечили ею многие болезни. Введена она в фармакопею многих стран. Собирают цветочные корзинки в начале цветения. У высушенных цветков камфарный запах и горький вкус. Все препараты, приготовленные из цветков пижмы, строго дозируются, поэтому это растение ни в коем случае нельзя применять самостоятельно.

Дикая рябинка растет в Европе и Азии. Она была занесена и в Северную Америку, где тоже является теперь обычным растением. За сезон оно дает иногда до 100 корзиночек и тысячи семян. Вот почему иногда пустыри преобразуются, становятся радостными, солнечными. Это там поселилась пижма. Хорошо себя будет чувствовать дикая рябинка и на пришкольной грядке.

И когда идут дожди и пестрое летнее разнотравье уже превратилось в сухие коричневые и серые стебли, когда с каждым днем все меньше становится на деревьях листьев, встреча с дикой рябинкой напоминает о теплых солнечных днях.

Т. ГОРОВА

Фото Р. Воронова

Рис. В. Федорова

Еще недавно багровыми кострами полыхали осины, бронзой отливали орешники, калины соревновались между собой в яркости багряных листьев и рубиновых ягод. Но прошли дни золотой осени. Заморозки все чаще стали прихватывать землю, и лес заторопился сбрасывать свои роскошные наряды. Раньше всех не выдержали осины. С первыми холодными утренниками начали они сыпать на землю красные, пурпурные, желтые и пестрые зелено-красные листья.

На рубеже сентября и октября громкое курлыканье доносилось с высоты. Над сжатыми полями и многоцветными перелесками потянули к югу клинья журавлей. В это время дружно начали скидывать свои легкие платья бледная жимолость и малиново-розовый бересклет. Гордый клен будто в ярком желтом плаще стоял на лесной поляне. Но и его листва дорогим ковром легла к подножию родного дерева. За короткий срок ли-

Застрявший на ветке лист клена.

шился он своего великолепно-го одеяния. Тихо расставались с темно-желтой листвой липы. А когда налетел ветер, золотым дождем сыпали листву молодые березняки. Яс-

Скученная стая скворцов. Так летают воробьиные птицы, мелкие кулики, иногда утки-чирки.

ные дни сменились ненастьем. Опустевшие поля и редящие леса сек надоедливый дождь. Он смывал с кустов крупные желто-бурые листья орешника, трепал лимонно-желтые сарафаны крушин, обнажал темные ветки черемух.

Зайцы прятались от дождя в густые молодые елки и лежали там. На юг спешили птицы. Будто ветер носил от роши к роше стаи зябликов и дроздов. Опускались на мокрые поля утомившиеся коньки. По зорям над водоемами слышался свист утиных крыльев. Это летели чирки-свистунки, кряквы, шилохвостки, свиязи. А широконоски и чирки-трескунки уже пропали. Охотники с нетерпением ждали появления поздних северных уток: крохалей, гоголей, морских и хохлатых чернетей, турпанов. Когда в непроглядной тьме ночи над озером вдруг раздавалось

громкое отрывистое «га», ду-малось — неужели уже гуси полетели. Но нет, то кричала, пролетая, выпь.

Все пустынное становилось на берегах водоемов. Редко поднимешь бекаса, или осторожная камышница, выскочив из прибрежных зарослей аира, поспешит скрыться в самые крепи. Над заливом кружили одинокие чайки. В разгар полета около телеграфных столбов нередко можно увидеть погибших птиц. Немало их бьется о проволоку в это время. Причем чаще всего это славки и другие насекомоядные птицы, которые летят по ночам. Но, пожалуй, чаще разбиваются коростели и погоныши, про которых любят писать, что почти весь путь на зимовку и обратно они проделывают пешком.

И вот уже голые осины и тополя. На черемухах дрожали последние листья. А ивы все еще не спешили расстаться с листвой. И ольхи по-прежнему стояли зеленые и густые. Время октября близится к концу. Как сердитый дворник, заканчивая свою смену, он сметал потемневшую листву и гонял последние стаи. Уже и скворцы и жаворонки встречались все реже. И гуси косяками и вереницами летели над полями, предвещая холода.

На дне бочага лесного ручья копошились лягушки. Они сонно перебирали лапками, пытаясь зарыться в ворох утонувшей и почерневшей листвы. Здесь в оцепенении проведут они долгую зиму. Черные тучи, грозя снегом, наполнили с севера. Березы сыпали редящим дождем мелкие листья, и роши с каждым днем все более сквозили. И пустые вороньи гнезда далеко были видны.

Так и не сменив зеленого наряда, начал осыпать листву ольшаник. В тихое утро, после особо холодной ночи падали большие ольховые листья, и было слышно, как стучали они по веткам. С холодами зайцы вылезли из непролазной еловой чапыги. Они уже начали подходить к сваленным осин-

Утки, летящие прямым фронтом. Строй, характерный для гусей, крупных куликов.

кам и оставляли на молодой зеленой коре светлые следы зубов. И вот однажды не-

обычно ранний рассвет высветлил окно. Это за ночь выпал первый снег. Он покрыл поля, над которыми кружили зим-

няки, припорошил молодые елки и поломал много сучьев, не успевших сбросить листву деревьев. На подоконнике появилась синица. Легкими прыжками проскакала она по пушистому снежку, оставив парную цепочку следов. Стукнула клювом в стекло. Пора готовить кормушку.

В. ГУДКОВ
Рис. автора

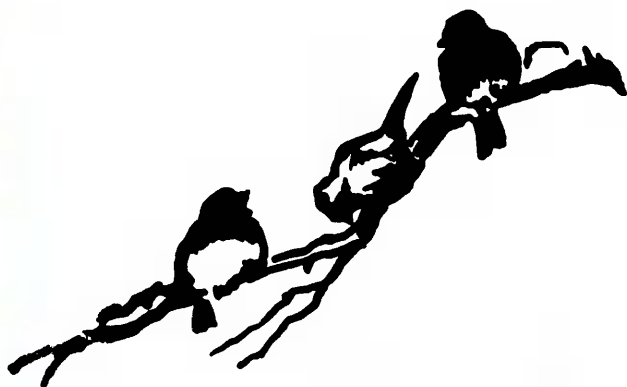

Жарким выдалось прошедшее лето. Комары, мухи и оводы донимали животных. Вот и приходилось им прибегать к различным хитростям. «Чесало». Издавна так называют в некоторых областях России камни, валуны, высокие пни деревьев, о которые чешутся на пастбищах коровы. За таким вынужденным занятием и сфотографировала свою любимую буренку Света Коробицына из Амурской области.

К ДЯДЕ ЖЕНЕ... В АФРИКУ

...Она (птичка) доставит вам большое удовольствие своим пением, она развлечет вас в часы досуга и привяжет к себе, она сделает из вас доброго и заботливого друга, она заставит задуматься над тем, что без нее вам не пришло бы и в голову.

М. БОГДАНОВ

Женя спал крепко, в народе про таких говорят — пушкой не разбудишь. Но в то морозное утро мальчик проснулся от легкого стука в окно: тук-тук, тук-тук-тук... Открыл глаза, прислушался: «Ветка, верно, бьет по стеклу». Спрыгнув с кровати, подбежал к окну. Крепко впившись коготками в переплет рамы, за окном сидела маленькая птица — пуховый шарик с лапками, клювом и хвостом. Ветер раздувал перышки, готовый в любой момент подхватить комочек, закружить, завертеть.

«Что это с ней?» Одевшись, Женя выскочил во двор. Комочек оказался совсем легким — и безжизненным. «Скорее в дом, в тепло!» — догадался мальчик.

В тот год зима как-то уж очень скоро осилила осень. Толстым белым покрывалом укрылась мерзлая земля, и нипочем ей стали трескучие морозы да злая вьюга-метелица. А вот деревьям в лесу зябко. Птицам и того хуже, даже теплая

шубка не спасает: хо-лод-но! И уж на что синица егоза-непоседа, да и она сникла. Трудно, ох как трудно ей в непогоду. Одно спасение: пока еще есть силы, скорее к жилью, к людям.

...Доброе детское сердце, ласка и тепло сделали свое дело: через час синичка (а это была она) уже прыгала по столу, стуча оттаявшими коготками, и клевала крошки хлеба, пшено. К обеду совсем отошла: глазки заблестели, стали живыми, веселыми. К вечеру уgomонилась: уселась высоко, под самым потолком на каком-то выступе.

На следующий день мороз ослаб, и синицу выпустили в лес. Она улетела, оставив в душе шестилетнего ребенка щемящее чувство тревоги за тех, кого на каждом шагу поджидает опасность... Встреча с лесной пичугой запечатлелась в сознании ребенка. Оказывается, есть еще и другая жизнь, незаметная, пока еще неизведанная для него, со своими законами и

тайнами. Игры сразу как-то отошли на второй план и уже меньше интересовали мальчика, хотелось побыстрее дожидаться весны — и в лес, на озеро, речку, в мир чудесных неразгаданных тайн. Каждый день, час, проведенный в лесу, вносил в жизнь юного исследователя что-нибудь новое.

Любовь ко всему живому осталась на всю жизнь. С увлечением занимался Женя в школьном кружке юннатов: возился с животными, вел наблюдения, ставил опыты. Мечтал стать зоологом, но так уж случилось, что выпускник Болшевской школы Евгений Волков поступает в Московский институт инженеров транспорта. А потом была работа. Сколько строек повидал Евгений Иванович! Время было трудное, послевоенное, работа отнимала все время, и даже свободное. И лишь иногда, увидев ватагу шумливых воробьев, дерущихся из-за корки хлеба, останавливался недалеке и смотрел, вспоминая то морозное утро детства.

Однажды, было это лет двадцать назад, уезжающий в отпуск приятель попросил поддержать пару доселе неизвестных Евгению Ивановичу птичек. «Ты хоть и бывший, но натуралист, — шутил друг, — тебе можно оставить птиц! Приеду, заберу». Но, приехав из отпуска, срочно улетел в длительную командировку. Прислал письмо: «Вернусь не скоро. Птиц подари или, если хочешь, оставь себе». Евгений Иванович, как ребенок, обрадовался

тогда: уж очень он привязался к этим незатейливым заморским птицам. Японские амацины (выяснил у специалистов) были неприхотливы и не требовали особого ухода. На первых порах такой оборот дела устраивал Волкова. Но когда самочка стала собирать крохотные палочки, стебельки, попадавшие в клетку с песком, и складывать их в угол, Евгений Иванович понял — кончилось его беззаботное время. Сколотил из фанеры домик, на дно положил пучок сухой травы. Через неделю самочка снесла яички. Днем птицы по очереди сидели на гнезде, а ночью вместе. Через 12 дней появились птенцы. Надо было видеть, с какой заботой ухаживали пернатые родители за ними.

Птенцы подросли, клетку пришлось сменить на более просторную. Так росло птичье семейство инженера-строителя Евгения Ивановича Волкова. Огорчало одно — знаний явно не хватало. Пришлось искать книги, заказывать переводы. На Птичьем рынке познакомился с другими любителями-птичникаками. К сожалению, многие из них тоже только осваивали характер и привычки семейства ткачиковых.

И все-таки знания и опыт пришли: где прочитал, узнал, увидел, а где и просто догадался, домислил. Вот, к примеру, был такой случай. Чистил как-то Евгений Иванович картошку. Когда стал нарезать, один ломтик упал на пол. Не пропадать же добру: положил

его в клетку к птицам. И что вы думаете, птицы стали жадно щипать картофель.

Приходилось быть и лекарем-экспериментатором.

У золоторудого астрильда отломился коготок. Вел он себя нормально, как обычно, был подвижен и весел. Но вот заметил Волков, что палец на ножке у него почернел, сначала один, потом другой... «Гангрена, наверное, — подумал Евгений Иванович. — Видимо, инфекция попала в ранку». Чтобы спасти птицу, друзья-птичники советовали отнять лапку. Но какая жизнь у птицы-калеки! И Евгений Иванович пошел на эксперимент: смазал зеленкой почерневшие места, а потом намазал их вьетнамским бальзамом (мазь, составленная на травах). Процедуру повторил, потом еще раз, и астрильд выздоровел: у него отпали на двух пальцах маленькие фаланги, зато лапка сохранилась — он спокойно мог сидеть на жердочке. Отсутствие фаланг никак не отразилось на его поведении. «Вот так было сделано маленькое открытие в медицине», — шутил потом Волков.

Ткачи, амадины, астрильды, вьюрки... Все эти экзотические птицы, или, как говорят птичники, «экзоты», относятся к отряду воробьиных. Амадины, астрильды, ткачи и наш знаменитый воробей относятся к семейству ткачиковых, а вьюрки: кубинский певчий вьюрок, мадагаскарский вьюрок — к семейству вьюрковых. Толстоклювых ткачиков называют амадинами (подсемейство амадин), а тонкоклювых — астрильдами (подсемейство астрильд). Кроме того, есть еще подсемейство ткачей (это настоящий ткач, буйволовый, общественный, наполеоновский, огненный), а также подсемейство ткачей-вдовушек (в него входят доминиканская и райская вдовушки). Многие из этих птиц тоже держат в клетках и вольерах.

В Африке, Австралии, в некоторых районах Азии и Америки, на островах Индийского архипелага ткачики — обычные, часто встречающиеся в природе птицы. Они живут везде: в лесу, в тростнике, в высокой траве и даже там, где нет растительности. Ткачики отлично летают, а в воздушной эквилибристике не уступают нашим знаменитым верхолазам — клестам. Это яркие, общительные (они часто живут колониями) и очень подвижные птички. Но, несмотря на красивое оперение и милый нрав, ткачики не пользуются на родине вниманием и любовью, потому что нередко объединяются в громадные стаи и, словно саранча, налетают на поля и сады, уничтожая все вокруг.

...Мало-помалу росла коллекция экзотических птиц Евгения Ивановича Волкова. Сегодня у него только одних видов — 28! Есть редкие экземпляры, например, парочка эльфовых астрильдов. Предполагается, что в нашей стране он пока единственный обладатель этих крошечных пернатых представителей африканской фауны.

Мы сидим с Евгением Ивановичем на Большой Пироговской улице в комнате, где куда ни глянь — птицы, птицы, птицы. Что поражает, так это необычайно разнообразная гамма красок: словно разноцветные драгоценные камушки разбросаны по комнате. Причем необычные — живые. Нет-нет, да и нарушат спокойный ритм нашей беседы, все разом вдруг защебечут, заголосят звонко.

«Иметь в доме птиц интересно, — вставая и беря в руки веточку магара — дикого проса, говорит Евгений Иванович. — Конечно, и в природе можно довольно хорошо изучить повадки наших маленьких друзей (я имею в виду наших птиц), но мой опыт показывает, что близко, глубоко узнаешь птиц, только если они находятся рядом. Но держать их, прямо скажу, нелегко, птицы требуют много сил и времени. И самое главное — нужно любить их».

Интересно было наблюдать, как разговаривает — да-да, именно разговаривает! — Евгений Иванович со своими питомцами. Оказывается, наполеоновского ткача зовут Яшей, и он откликается на это имя, правда, только на голос самого хозяина. А попугай Маша (сероголовый неразлучник) очень любит, когда ее почесывают за ухом. Евгений Иванович еще только подходит к клетке, а она уже тут как тут: подставляет головку.

«Но и любви одной к птицам, — продолжил свою мысль Волков, — недостаточно для настоящего птичника. Пернатых нужно знать, чтобы ненароком не причинить им вреда. Изучить, где птица живет в природе, чем питается, в какое время линяет, как и чем вскармливает птенцов. Словом, знать по возможности все...»

В дверь постучали. «Это на экскурсию», — улыбнулся Евгений Иванович и заспешил к двери. Вошли четверо: двое взрослых с детьми. Девочка сразу к птицам: «Дядя Женья, покажите, расскажите!»

«Эти ребята у меня впервые, — объяснил мне хозяин квартиры, — придется все по порядку, одним словом, лекцию прочитайте. Да и вам, наверное, любопытно будет послушать».

Это была, конечно, не лекция, а живая, интересная беседа о неведомых сказочных птицах, которых и на картинках да фотографиях редко увидишь. Говорил Волков долго, вспоминая все новые и новые подробности из жизни экзотических ткачей.

Оказалось, что эти птицы великолепные мастера по части плетения гнезд — недаром их называли ткачами. Строят они свои гнезда из стеблей трав и листьев пальм, только не из целых, а из полосок, оторванных от листьев. Плетут гнезда по всем правилам ткацкого искусства: с переплетениями, петлями, затяжками и настоящими узлами. Общественные ткачи живут коллективно: под общей крышей иногда поселяются от 100 до 300 пар. Причем

по соседству с ними — в пустующих ячейках-гнездах — иногда живут и другие виды птиц — мелкие соколы, попугаи и даже ящерицы и древесные змеи.

Другие представители семейства — сенегальский ткач и ткачи-вдовушки — райская и доминиканская — очень легкомысленны — никогда сами не высиживают птенцов. Но род все же продолжается. Каким образом? Вспомните нашу кукушку. Так же и вдовушки подбрасывают свои яйца в чужие гнезда. И страдают чаще всего самые мелкие из ткачиковых — астрильды.

Но если вдовушка подбрасывает яйца потихоньку, тайком, то самка сенегальского ткача делает это открыто: она сталкивает с гнезда законную хозяйку (самку амаранта), откладывает яйцо и преспокойненько улетает.

Надо сказать, что вылупившиеся в чужом гнезде птенцы вдовушек более великодушны, чем наши кукушата, они не выбрасывают своих сводных братьев и сестер (птенцов астрильдов), а живут с ними в мире и согласии, вместе кормятся, вместе и растут. Вдовушки — неплохие певцы и отчаянные франты: в брачный период у самцов вырастают в хвосте такие длинные и широкие перья, что мешают им даже летать. А это, как известно, чревато неприятностями: хищнику ничего не стоит поймать птицу.

Кстати, о птичьих щеголях. У Волкова живут наполеоновские и огненные ткачи. Большую часть года по расцветке они не наряднее наших воробьев. Но в брачный период самец меняется буквально на глазах: верх головы и брюшко становятся бархатисто-черными, а шейка, спинка и часть крыльев окрашиваются в огненно-красный цвет. Отсюда и название — огненный. (У наполеоновского ткача брачное оперение желтое.) Чудесное превращение из «гадкого утенка» в красавицу птицу объясняется очень просто: они быстрее, чем другие ткачики, линяют.

Амадины и астрильды составляют основную часть живой коллекции Евгения Ивановича Волкова. Среди этих пернатых, например, японская амадина, что называется, птица без роду и племени. В настоящее время в природе ее нет. Японские селекционеры вывели этот вид искусственно. Многие считают, что исходным видом была бронзовая амадина. Японская амадина спокойна и неприхотлива. Кроме того, она отличная «нянька»: ей подкладывают яйца нерадивых родителей, и она высиживает и вскармливает чужих птенцов.

Острохвостая амадина славится своим тонко-раскрашенным оперением и коллективизмом. Птицы всегда живут парочками в стае. Самец заботится о своей подруге, чтобы привлечь ее внимание, забавно танцует перед ней, наклонив головку со стебельком или травинкой в клюве.

А вот бриллиантовая амадина — любитель плотно поесть и поэтому склонна к ожирению (разумеется, только при содержании в клетках). Птичники это знают и держат их на

диете. Масковая травяная амадина, оказывается, любит «посудачить» со своими сородичами, обмениваться новостями. Птицы по нескольку раз в день собираются на «сходку». Садятся рядком, что-то щебечут, ухаживают друг за другом, чистят перышки. Потом каждая парочка улетает к своему гнезду.

Серебряноклювая амадина, как сказал поэт, не красотой своей мила, а нравом. Дружит со всеми птицами, даже самыми крошечными.

И еще многое из жизни ткачиков мы узнали в тот вечер. Гульдова амадина (названа в честь своего открывателя английского зоолога Джона Гульда) не любит сырости, ей нужны свет и тепло. Красноголовая попугайная амадина так излишне проворна, что может ненароком выбросить своих птенцов из гнезда. Тигровый астрильд умеет, подобно ткачам и вдовушкам, менять свой наряд. А рисовка, оказывается, пуглива.

Словно замороженные слушали мы Евгения Ивановича. И уже в дверях девочка, которая первой подбежала к птицам, спросила: «А мы придем еще к дяде Жене в Африку?»

В Африку... Действительно, за тот час-полтора, что ребята провели в доме Волкова, они побывали в Африке и в Австралии, в Америке и в Азии — словом, в тех частях света, где живут питомцы Евгения Ивановича.

Гости ушли. Прощаясь со мной, хозяин сказал: «Я твердо уверен: в каждом ребенке от рождения заложен дух исследователя и путешественника. Ребята любят бывать в неизведанных местах, открывать новое. Природа — кладезь тайников, в ней много чего можно открыть, на первых порах хотя бы только для самого себя. Так было когда-то и со мной: встреча с замерзающей синичкой заставила меня, малыша, о многом задуматься, на многое посмотреть другими глазами».

В. ФЕДОРОВ

СЛОНЫ ПОЧТИ КАК ЛЮДИ

Проезжая как-то по равнине, входящей в состав национального парка Уганды, мы заметили группу слоних со слонятами. Они лениво оглядывались по сторонам, шевелили ушами, никак не реагируя на наше появление. Мой спутник — смотритель заповедника Уорден Бер остановил машину, чтобы сделать несколько фотографий. Внезапно крупная слониха насторожилась, злобно замотала головой и, издавая трубный рев, бросилась в нашу сторону, пробежав всего в нескольких метрах от автомашины.

— Что это с ней? — спросил я Уордена. — Она была такой спокойной.

— Кто ее знает? Вероятно, ей надоели машины охотников, — предположил Бер. — А возможно, донимают москиты — иногда они доводят слонов до сумасшествия. Вообще, когда имеешь дело со слонами, — заметил Бер, — никогда ни в чем нельзя быть уверенным. Они как люди: трудно понять, что у них на уме.

В течение многих лет изучая повадки этих животных, я нередко замечал сходство черт характера слона и человека. Охотники рассказали мне, как однажды два слона пришли на помощь третьему, раненному. Подхватив бивнями с двух сторон своего упавшего товарища, они поставили его на ноги и, поддерживая с двух сторон своими телами, направились в густые заросли. Двигаясь по следу животных, охотники заметили, как больной слон три или четыре раза падал, и всякий раз товарищи его поднимали. Таким образом животные прошли по меньшей мере километров пять. Затем раненый, видимо, почувствовал себя достаточно хорошо, и тогда все трое повернули назад и вскоре присоединились к стаду.

Слоны сообразительные животные. Однажды стадо слонов повадилось обчищать фруктовый сад возле одного из охотничьих лагерей. Мы решили огородить участок проволочным забором. Но слоны разорвали сетку. Забор восстановили и подключили электрический ток. Умным животным потребовалось всего несколько ночей, чтобы разобраться, в чем дело. Они сообразили, что когда свет в лагере гас, то не было тока и в изгороди. И однажды ночью они снова смяли ее. Тогда мы решили оставлять генератор работающим и ночью. Слоны бродили вдоль изгороди и легонько касались проволоки бивнями. И тут они поняли, что бивни нечувствительны к току. Теперь нам ничего не оставалось, как отгонять животных, стреляя в воздух.

Когда в национальном парке Мерчисон-Фолс началось строительство домиков для туристов, плотникам неоднократно приходилось прерывать работу и спасаться бегством от огромного трехтонного слона-самца, которого прозвали Лорд-мэр. Он, очевидно, считал эту территорию своей собственностью. Когда строительство закончилось,

слон продолжал патрулировать этот район, но проявлял при этом дружелюбие и даже с явным удовольствием позировал перед фотообъективами туристов.

Однажды безветренной тихой ночью, учуяв запах «помбе» — местного пива, имеющего банановый привкус, слон в надежде полакомиться плодами сорвал крышу с домика, из которого исходил привлекавший его аромат. Затем в поисках бананов он начал обследовать каждую автомашину: разрывал брезент и обшаривал кабину, просовывал хобот в окно или просто-напросто переворачивал машину, стараясь вытряхнуть из нее находящиеся там фрукты. Однажды туристы, заночевавшие в автомашине, оставили под ней продукты, в том числе и бананы. Ночью они были насмерть перепуганы, когда слон в поисках лакомств перевернул их автомобиль.

Неподалеку от Амбоссели, одного из кенийских национальных парков, жил слон, обладавший чувством юмора. Он любил прятаться в зарослях в том месте, где дорога делала крутой поворот. Когда появлялась автомашина, он, устрашающе растопырив уши, выскакивал из укрытия, издавая при этом оглушительный рев. Удовлетворившись видом напуганных пассажиров, слон поворачивался и уходил прочь, изредка оглядываясь. В маленьких глазах гиганта блестели смешинки.

В национальном парке Куин Элизабет, где туристам разрешалось останавливаться и любоваться слоновьим стадом, мне довелось увидеть лирическую сценку. Наблюдая за животными, которые мирно паслись на склоне холма у озера Лейк-Эдвард, мы увидели, как из чащи кустарников вышел молодой самец. Тут же от стада отделилась и самка. Застенчиво склонив голову, она направилась ему навстречу. Приблизившись, они нежно сплели свои хоботы. Затем слон вырвал из земли пучок сочной травы, стряхнул глину с корней и предложил подруге «букет». Самка тут же сунула его в рот. Вот так они будут ухаживать друг за другом более недели. Спустя некоторое время молодая слониха начинает искать компанию более старой, которая будет сопровождать ее до появления малыша. «Тетушка» всегда находится рядом, бдительно охраняя будущую мать.

Малыш появится через 22 месяца. Весит новорожденный около ста килограммов. Уже через час-два после появления на свет слоненок встает на ноги, а еще немного спустя начинает самостоятельно передвигаться. Мнение о том, что слонята сосут молоко хоботом, ошибочно. Они сосут ртом, отводя при этом хобот в сторону.

Отношение слонов к потомству по-человечески трогательно. Они поддерживают малышей, когда пересекают реку, срывают с высоких деревьев недоступные для них соч-

ные плоды и ветви и, когда надо, утихомиривают шалунов.

Однажды днем возле канала Касинга, соединяющего озера Лейк-Эдвард и Лейк-Джордж, мы увидели четырех слоних с пятью малышами. Когда один толстенный слоненок попробовал было спуститься с обрыва на берег канала, слониха издала предупредительный сигнал. Но малыш, не обращая никакого внимания на «окрик», спокойно продолжал топтать своими толстыми ножками по самому краю обрыва, словно мальчишка, желающий узнать, доколе позволительно его непослушание. Вдруг земля под ним обрушилась, и слоненок с громким визгом полетел в воду.

Слонихи застыли как вкопанные. Уши их расправились рупором в ту сторону, откуда раздался визг, и, резко повернувшись, они бросились вниз на помощь. Вынырнув на поверхность, малыш был слишком напуган, чтобы плыть к берегу. Тогда две слонихи, не теряя времени, встали на колени у самой кромки воды, а две другие осторожно погрузились в воду. Отчаянно бултыхавшийся слоненок оказался между ними. Слонихи осторожно подхватили его с двух сторон хоботами под брюшко, подняли над водой и передали «с рук на руки» ждавшим на берегу подругам, которые и вытащили его на сушу. Слониха-мать подтянула малыша к себе и с довольным урчанием тщательно и бережно ощупала его хоботом, в то время как перепуганный малыш, прижавшись к ее ногам и весь дрожа, выплевывал воду. Затем мать, удостоверившись, что сын цел и невредим, наказала его — шлепнула малыша хоботом и отшвырнула подальше от воды.

Мне рассказали и о случае, который произошел в национальном парке Мерчисон-Фолс. Однажды управляющий парком заметил слониху, которая бережно несла на бивнях новорожденного слоненка. Она остано-

вилась и осторожно положила ношу на землю. Слоненок был мертв. Три долгих дня самка носила его, опуская наземь лишь в тех случаях, когда ее мучила жажда.

Потом ее увидели одну. Несколько дней она стояла неподвижно под деревом, время от времени издавая угрожающий рев, когда кто-нибудь приближался к ней.

Защитный инстинкт присущ, по-видимому, всем слонам. Старики обычно покидают стадо, чувствуя, что уже не в состоянии угнаться за молодыми, совершающими быстрые и длительные переходы с одного пастбища на другое. С ними остаются лишь один или два молодых слона. Охотники утверждают, что старик в обмен на заботу о его безопасности обучает молодых древней слоновьей мудрости. Молодые телохранители предупреждают его о грядущей опасности, прячут в укрытии, а затем смело бросаются навстречу врагу. Нередко слоны сопровождают старца до самой его смерти.

Многие люди полагают, что слоны неуклюжи и неповоротливы. В действительности же это не так. Слоны обладают удивительной способностью колоть, например, кокосовые орехи. Наступив на орех ногой, слон так соразмеряет усилие, что лопаются только скорлупа, а ядро ореха остается невредимым. Столь же аккуратно они выкапывают и батат (сладкий картофель), не повредив при этом тонкой кожицы клубня. Слоны бывают «левшами» и «правшами» — клубни батата каждый из них выкапывает только левым или только правым бивнем.

Спит слон мало — примерно в половину меньше, чем человек. Это дает ему возможность уделить больше времени на поиски пищи. Для того чтобы нащипать 140 килограммов листьев или травы, что составляет его дневной рацион, слон должен кормиться 16 часов в сутки. Кроме того, он постоянно ищет воду, так как в день ему необходимо 100—125 литров жидкости.

У слона прекрасная память. Он никогда и ничего не забывает. Лучше всего помнит запах человека. Специалисты утверждают, что животное по запаху может отличить белого человека от африканца на расстоянии до трех километров. Один охотник рассказал мне о слоне-одиночке из Северной Кении, за которым он наблюдал на протяжении нескольких лет. Слон этот в поисках пищи петлял по равнине, отклоняясь от основного маршрута то вправо, то влево, но, возвращаясь, обязательно пересекал свой первоначальный след. В этом месте он останавливался, обнюхивал землю хоботом и, если ничего не чуял, продолжал путь. Почувствовав же запах следов африканца, он немедленно прятался в кустах и сидел в укрытии до тех пор, пока не убеждался, что опасности нет. Если же это был запах белого человека, слон начинал яростно, всеми четырьмя ногами затаптывать его, а потом стремительно убегал с этого места, ибо хорошо знал, каким оружием владеет белый человек.

Мне рассказывали, что слоны хорошо помнят доброту. Однажды один охотник поймал небольшого слона, в задней ноге которого торчала большая заноза. Человек поместил его в загон из крепких и толстых бревен, такой тесный, что слон не мог в нем пошевелиться, и стал обрабатывать рану. Когда он продезинфицировал ее спиртом, слон взревел от боли и ярости, чуть не разметав бревна клетке. После того как рана была обработана и боль утихла, животное успокоилось.

Третью и четвертую перевязки слон перенес спокойно, а потом его выпустили на волю. Всякий раз, встречая своего спасителя, слон подбегал к нему, захватывал его руку хоботом и клал ее на то место, где осталась зарубцевавшаяся рана.

В национальных парках и заповедниках Африки и сегодня можно любоваться этими неповторимыми животными, которые во многом ведут себя почти так же, как и те, кто за ними наблюдает.

БРАЙАН О'БРИЕН

Перевод с английского Д. Розанова

Рис. А. Сичкаря

ОТ РЕДАКЦИИ. Автора можно упрекнуть в антропоморфизме. Тем не менее, избрав путь ненаучного сравнения поведения слонов с поведением человека и умело применяя оговорку «почти», автор очень образно рассказал о необычных способностях слонов.

Вот накой лопух!

Приехали как-то с Леной на дачу. Идем вдоль забора, и вдруг она останавливается и в восхищении разводит руками:

— Вот это да!

Смотрю по направлению ее взгляда и сам повторяю:

— Вот это да!

Примостившись на бережку крохотного ручейка, растет огромный лопух, да такой, какого я и в жизни своей не видел! Подошли поближе, посмотрели. И понял я, что выбрал лопух для себя очень удачное место: на острове, в тени большой плакучей ивы. Со всех сторон его корни влагу находят, и жгучее солнце не печет. Словом, очень хитро устроился гигант.

А что мы знаем о лопухе? Из семейства сложноцветных, двулетнее высокое растение с крупными цельными листьями и собранными в кисти корзинками цветов.

Однажды в Болгарии меня угощали очень вкусным вареньем из корней молодого лопуха, а потом позднее я узнал, что корни эти в Юго-Восточной Азии вообще употребляют в пищу как овощи — в вареном, пареном и даже соевом виде. Не знаю, насколько это вкусно, — не пробовал.

А наш с Леной лопух оказался рекордсменом. Посмотрите на снимок сами — убедитесь. Лист полтора метра в ширину!

Сорвать руками лист не сумели. Пришлось прибегнуть к помощи ножа. Черешок-то был толщиной в мою руку.

Ю. Христинин

Павел БАРТО

Все совы — дети ночи.
 Во тьме сверкают очи:
 Обличье человечесь
 Да два крыла в заплечье.
 Полет совы беззвучен,
 Пролет в лесу изучен,
 Клюв с когтем
 Очень прочен,
 А слух совы
 Так точен —
 Малейший скрип
 Им слышен,
 От них не скрыться

Мышам!
 Совиной шеи
 Разворот —
 Глаза назад,
 Глаза вперед,
 Гудит сова в лесную мглу:
 — Иу-гу-у-гу,
 Иу-гу-у-гу —
 Из-под земли достать смогу!
 Напрасно мечешься ты, мышь,
 Ты от меня не убежишь,
 Я с тьмой крошечной так в ладу,
 Что без очков тебя найду.

◀ Обыкновенный филин.
 Обыкновенная неясность.

ДЕРЕВНЯ В ГЕССЕНСКОМ ЛЕСУ

Карл Маркс писал, что «культура,— если она развивается стихийно, а не направляется сознательно...— оставляет после себя пустыню...». Яркий пример этому — экологический кризис, поразивший сейчас капиталистические страны.

Федеративная Республика Германии, земля Гессен, город Франкфурт-на-Майне. Выписка из рекламного проспекта: «Аэропорт Рейн-Майн. Ежедневно здесь стартует и приземляется около 500 самолетов. Это машины 50 авиакомпаний».

Другими словами, во Франкфуртском аэропорту каждые 3 минуты равномерно в течение суток взлетает или садится мощный современный лайнер.

Мы стоим неподалеку от аэропорта в большом примыкающем к нему лесу. Он — зеленые легкие Франкфурта-на-Майне. К дереву проволокой привязан мрачный плакат. Вы видите его на снимке. Надпись гласит: «Не строить взлетную полосу! Запретить ночные полеты».

Этот плакат мы и раньше встречали во многих изданиях ФРГ, на значках, на стенах домов и вот, наконец, в лесу.

Сюда нас привел типографский рабочий, коммунист Руди Хехлер. Он входит в комитет по борьбе против строительства третьей взлетной полосы во Франкфуртском аэропорту.

— Об этом тяжело и стыдно говорить,— рассказывает товарищ Хехлер.— Но молчать мы уже не можем,

как не можем и сидеть сложа руки...

Оказывается, Франкфуртский аэропорт, один из крупнейших в Европе, имеет две взлетных полосы. Но они расположены близко одна от другой, и их нельзя использовать одновременно. Только по очереди. Каждую из имеющихся полос удлиненили на 900 метров, для чего вырубили крупный участок Гессенского леса. Однако этого все равно не хватает.

Создан проект новой, третьей взлетной полосы. Он требует вырубки леса на площади в 500 гектаров, то есть надо уничтожить три миллиона (!) деревьев. Ведь длина проектируемой полосы 4 километра, а ширина 600 метров.

— Что это означает? — спрашиваем мы у Руди.

— А то,— отвечает он,— что жить в этом районе вообще станет невозможно.

Уже сейчас положение крайне тяжелое. Район аэропорта лежит в низине. В ней скапливается смог. Воздух сильно загрязнен.

Характерно, что при высокой общей безработице в стране с предприятий этого района увольняются рабочие. Люди не хотят жить здесь. Потому что это становится крайне мучительным и опасным. Многие заболевают легочными болезнями, на 20 процентов больше, чем в целом по стране. Особенно страдают дети. Заболеваемость среди них угрожающе возросла.

Земли, отведенные под полосу, уже проданы. Фирмы, взявшие подряд на это крупное строительство, неоднократно пытались сводить лес. Дело еще осложняется тем, что вокруг аэропорта много американских военных баз. В новой полосе крайне заинтересована американская военщина. Естественно, она всячески «подстегивает» промышленные круги страны на скорейшее завершение дела в свою пользу. Интересы жителей огромного района грубо попираются.

Экологическая беда объединила людей. Различные партии страны, порой с прямо противоположными политическими программами, выступают в едином блоке против расширения аэропорта, уничтожения Гессенского леса и варварских действий, угрожающих здоровью населения. Такое единство само по себе уникально. Подобного, пожалуй, не бывало в истории ФРГ.

Руди вел нас в глубь леса, туда, где 3 мая 1980 года была построена первая хижина, давшая начало деревне протеста. По сути это поселок пикетчиков, охраняющих лес от лесорубов.

Когда здесь срубили первые семь гектаров леса, в соседнем городе Мёрфельде траурно звонили колокола. Вспыхнула мощная демонстрация протеста.

— Недавно,— рассказывает Руди Хехлер,— сюда снова сунулись лесорубы. Все население района восстало против такого вандализма. Пикетчики быстро сообщили в окружающие поселки. Собралось много людей. В округе нет ни одной семьи, которую бы не за-

трагивала эта общая беда. Защищая лес, люди садились на деревья, преграждали путь порубщикам.

Мы видели стенд и на нем фотографии демонстрации. Призыв: «Люди, садитесь на деревья! Препятствуйте их уничтожению!»

Один из пикетчиков просидел на дереве двое суток, и ему подавали пищу на шестах. Фотографии — документальное свидетельство происходивших здесь событий. Смотришь и не веришь, что такое может быть в наше время в одной из богатейших капиталистических стран Европы, кичащейся своим «демократизмом и порядком».

Хорошо утоптанная тропа приводит нас на обширную поляну, и уже не фотографии, а живые люди и построенные ими хибары (другого слова не подберу) на земле, в земле, на деревьях убеждают нас в реальности происходящего. Везде плакаты, лозунги, призывающие беречь лес, охранять природу и все живое. Висят изображения разных деревьев, трав, птиц, насекомых, зверей. Такое впечатление, будто ты попал в какой-то странный учебный класс по охране окружающей среды. В то же время класс этот можно сравнить с лагерем повстанцев или поселком нового племени неведомых доселе индейцев.

Под большой сосной «стайка» велосипедов. Из подобного чуму строения вышла группа молодых людей в ярких куртках. Они оживленно говорили между собой, потом сели на велосипеды и покатали в направлении города.

Нам пояснили: произошла смена пикетчиков. Постоянно в деревне дежурят 15—20 человек, вернее, они живут здесь по нескольку дней, а то и недель. Среди них молодые рабочие, студенты, служащие, безработные, школьники.

По субботам и воскресеньям в деревне людно. Сюда приезжают окрестные жители. Учителя соседних школ приводят своих учеников. Тут идут митинги, дискуссии и обучаются методам протеста. Как сделать баррикаду, устроить на деревьях хижину для сидячей забастовки. При этом заботятся и об удобстве людей, их здоровье.

В хижинах есть печи для приготовления пищи, шкафы для продуктов, ванны для стирки одежды. Есть и экологическая литература. Всем этим ру-

ководит специальный комитет. Средства, необходимые для оборудования деревни, печатания листовок, плакатов, собирают местные жители.

И тем не менее у борцов за Гессенский лес и собственное здоровье нет уверенности в победе. Уже на многих деревьях появилась колючая проволока, мешающая сидячим забастовкам. Вот-вот вновь двинутся отряды лесорубов и лавина бульдозеров на хрупкий зеленый оазис и на непрочные самодельные домики.

Мы зашли в первую построенную здесь хижину, самую большую, своеобразный штаб поселения. За столом группа парней, по виду студентов, пели собственного сочинения песню о защите леса. В других частях просторного круглого помещения, где царил беспорядок и в то же время какая-то система, кто-то писал, стряпал, слушал радио, чинил куртку или беседовал с товарищем. Здесь были юноши и девушки разных социальных групп, профессий и, вероятно, интересов.

Беседуем с одним из ребят. Он студент, социолог. В деревне не только в знак протеста, но еще и с профессиональной целью изучает формы общественной борьбы.

К беседе присоединяется девушка. Она ассистент рентгенолога. Здесь, в деревне протеста, проводит свой отпуск. О деревне узнала случайно и решила поддержать пикетчиков. Подходят еще ребята. Узнают, что мы журналисты из Советского Союза, и оживленно начинают говорить о том, что им известно, какие серьезные меры принимают в СССР для охраны окружающей среды и обогащения природных ресурсов.

Говорят, что в воскресные дни у них в деревне собираются до 5 тысяч человек. Что против уничтожения уникального лесного района выступают многие в ФРГ. Но вот поддержки правительства нет, и надежд на победу мало, да полной она уже и не может быть, сколько погибло деревьев. Да что там деревьев. А воздух! А вода! А земля!

Мы вышли из чума, на одной из хижин прочли шутиливую надпись: «Частное жилище. Беспокоить запрещено». Остроумный жилец этой хижины, «прося» мира, на самом деле своим протестом объявлял «войну» дворцам

и самому принципу частной собственности. Принципу слепцов, в погоне за прибылью рубящих сук, на котором сидят сами и на который собираются посадить своих детей.

Мы уходили из деревни с тяжелым чувством. А через полгода уже в Москве я включил телевизор и увидел в одной из программ Руди Хехлера. Он взволнованно и страстно говорил о том, что борьба продолжается. И по всему видно: она будет очень трудной. Во всяком случае, судьба Гессенского леса и целого густонаселенного района Франкфурта-на-Майне в опасности!

Да только ли этого леса и этого района?

В естественном музее Франкфуртского университета я набрал на витрину с вырезками статей из последних номеров центральных газет ФРГ, поднимающих экологические проблемы. Вот только заголовки:

«В воздухе Франкфурта много свинца», «Майн — пример того, как человек отравляет природу», «Химические предприятия разрушают наше здоровье!»

Стало как-то не по себе, когда узнал, что в ФРГ уже достаточно давно торгуют чистой водой с альпийских ледников, расфасованной в бутылки.

Вспомнился один фантастический рассказ, в котором говорилось приблизительно следующее: якобы в XXI или в XXII веке нашей эры жил в Америке богатейший человек. Настолько богатый, что имел отдельную, кажется, четырехметровую комнату, настолько богатый, что у него было драгоценное кольцо... из настоящего дуба.

А вот сведения из доклада западно-германского ученого Е. Юкермана на симпозиуме, состоявшемся в рамках Всемирной охотничьей выставки в болгарском городе Пловдиве (июнь — июль этого года).

Ежегодно на дорогах ФРГ гибнет от транспорта 200 тысяч диких зверей, в том числе: 120 тысяч зайцев, 70 тысяч косуль, 2 тысячи кабанов и т. д. Причем страдают в этих авариях люди, и немало.

Этот пример может показаться маленькой частностью по сравнению с сообщением журнала «Шпигель» по поводу нарушения специального закона о правилах захоронения ядовитых от-

ходов промышленного производства. Вот что писал журнал в 1974 году: «Первые признаки серьезно зараженных территорий в ФРГ появились осенью прошлого года, когда всплыло дело перевозчика ядовитых отходов З. Плаумана из Ханау. Он перевез около 14 000 тонн опасных производственных отходов либо на обычные свалки, либо спустил их в реки или ближайшие дождеприемники. Сейчас ясно: существуют десятки плауманов, которые тайно рассеивают по стране в четыре раза большее количество опасных отходов, преимущественно в Гессене...»

Отравление среды в ФРГ приняло ужасающие размеры. В результате применения гербицидов и другого загрязнения земли здесь полностью, на всей территории страны, исчезло 200(!) видов полевых растений.

В начале 1978 года нефтеочистительный завод в Ингольштадте, собственность компании «Эссо», выбросил в воздух 90 тонн черной пыли. Она окутала город и окрестности на площади в 40 квадратных километров. В этих отходах оказались вреднейшие для здоровья человека химические соединения.

Напрашивается вопрос: что, в ФРГ ничего не делается для защиты окружающей среды?

Делается, и немало. Работают ученые, социологи. Открывается немало эффективных методов, способствующих оздоровлению и обогащению среды. Разрабатываются, казалось бы,

действенные программы по защите природы и правильному использованию ее богатств.

Но вот что по этому поводу пишут член президиума правления Германской компартии Юпп Ангенфорт и референт правления ГКП Йорг Хаймбрехт:

«Демократического контроля, способного эффективно ограничивать опасную деятельность концернов, в котором бы принимали участие рабочий класс, его профсоюзы или же представители групп гражданской инициативы, не существует».

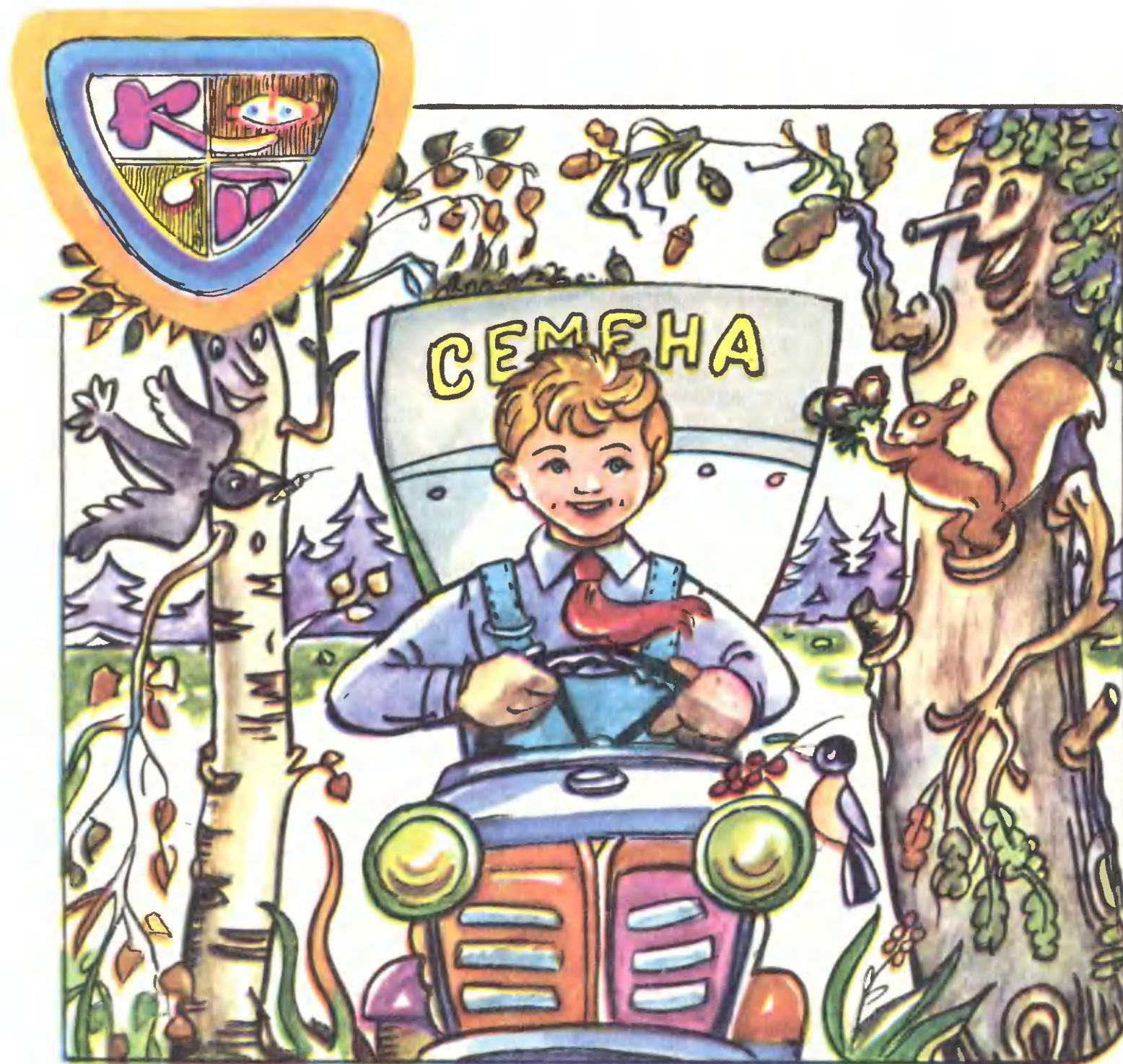
Иными словами, действия промышленных воротил бесконтрольны. А значит, природа в ФРГ беззащитна.

Мне опять вспомнился Гессенский лес. Мы возвращались из «деревни протеста». Был солнечный день. Длинные косые лучи света пробивали кроны сосен и солнечными зайчиками скакали по полянам. Вдали на просеке глаз приметил оленью кормушку. Отбился от группы и напрямик к ней. Шел осторожно, а вдруг повезет. И не ошибся. Из зарослей вышли два оленя. Они чутко стригли ушами и медленно приближались. Рев взлетающего лайнера тугой волной бухнул в лес. Олени разом присели и, судорожно дернувшись, метнулись под кроны.

«Надо же, не привыкли, — подумалось мне. — А как же люди?»

А. РОГОЖКИН

Дорогие Почемучки! Наступил октябрь, с его осенними ветрами, листопадами, холодными дождями и первыми заморозками. Но и эта пора по-своему прекрасна. Пусть ночью было холодно и на лужах появился первый ледок, днем все равно светит солнце. А если подует ветер, словно парашютики, разлетаются всевозможные семена. Упадут они далеко от родных мест. Так растения заселяют землю. Кто и как приспособился, на какие хитрости они идут, об этом расскажет Дмитрий Львович Теплов.

Семена-путешественники

Очень часто мы встречаемся со знакомым нам растением в необычном для него месте. Радует, увидев на опушке хвойного леса тонкую рябину, увешанную алыми гроздьями,

или найдя бронзовые гномики желудей вдалеке от многовекового исполина дуба.

Всегда ли мы можем ответить на вопрос: как попало сюда это растение?

Задумаемся, почему плоды боярышника красные, семена клена имеют крылья, а орех лещины одет в твердый панцирь.

Природа не поскупилась на разнообразие плодов. И не случайно именно в плодах находится одно или несколько семян, в которых заключено продолжение рода.

Очень мало растений, которые сами разбрасывают семена. Одним помогает ветер. Для этого у семян есть специальные приспособления: они или покрыты волосками и пушком (ива, тополь), или же снабжены крылатыми выростами для полета (вяз, ель). Вспомните, как все лето на полянах и лугах, вдоль дорог и заборов, в скверах и садах желтеют солнечные цветки одуванчиков. Завоевали они такую

огромную территорию благодаря семянкам, у которых всего одно семя и хохолок из белоснежных волосков, сидящих на сильно вытянутом носике. А семена березы — мелкие орешки снабжены двумя прозрачными крылышками. При малейшем дуновении ветра летят белые парашютики, не зная преград.

Обратите внимание на кудрявую рябину, красу русского леса. Осенью в ее кроне хозяйничают дрозды, свиристели, сойки, но можно быть спокойными за семена: птицы рассеют их с пометом по всей многокилометровой округе. Плоды рябины — яблочки так же, как дуба — желуди, лещины — орехи, оказываются непосредственной пищей многих птиц и зверей. Часто плоды яркой окраски: у черники — фиолетовые, красные у клюквы — заметные для животных. Несмотря на то, что птицы и звери поедают много семян, часть их все же падает на землю при кормежке, часть теряется по дороге, а сойки, пряча желуди, бывает, не находят их и вовсе.

Но не только с помощью животных распространяются семена. Например, на сухих плодах развиваются различные хитрые приспособления — крючочки, щетинки и другие выросты, которые цепляются за шерсть животных и таким своеобразным способом передвигаются далеко от материнского растения. Такие приспособления имеют орешки липучки. Само название растения говорит о цепкости ее плодов. Орешки покрыты шипами, расположенными в 2—3 ряда, похожи на морских ежей. У моркови дикой плоды семянки имеют 4 длинных крючкато загнутых на конце шипа и несколько маленьких.

Реже плоды и семена переносятся водой. Чаще всего это у водных и прибрежных растений. Плоды благодаря окружающему их раздутому мешочку, например у осок, легко, как поплавки, держатся на поверхности воды и переносятся по ней ветром либо прилипают к водоплавающим птицам и вместе с ними улетают далеко от родных мест. Самый большой любитель путешествий — кокосовая пальма, которая растет на побережье почти всех материков и островов в тропической зоне. Только благодаря морским течениям и волнам завоевала она такое пространство. Плоды ее — костянки, часто неправильно называемые кокосовым орехом, в свежем виде весят до 8 килограммов, а размером с небольшой арбуз. Они смываются с берега отливом и плывут по волнам за многие километры, пока у какого-нибудь берега их не вынесет прилив.

Есть и у нас в средней полосе дерево — труженик и помощник, растущее у водоемов, которое обязано своим распространением рекам, ручьям, речушкам. Это ольха.

Говоря о способах передвижения плодов и семян, нельзя не сказать об уникальном и удивительном механизме, которым обладают плоды бешеного огурца и недотроги. Уже само название растений говорит о многом. И действительно, стоит чуть дотронуться до плода,

как он быстро раскрывается и с силой выбрасывает семена. Плод бешеного огурца — тыква, как у арбуза и дыни, разбрасывает семена на несколько метров. У недотроги же семена, находящиеся в зеленоватой сочной коробочке, похожей на стручок, разбрасываются с меньшей силой.

Закрывая одну из страниц книги природы, хочется думать, что наблюдательность и желание познать многоликий мир растений помогут узнать, откуда, куда и как попадают растения.

Хитрости зеленого мира на этом не заканчиваются. Есть такие растения, которые используются приманками. Об этом ученым, конечно, было известно, а вот шестилетний Вова Никитин сделал для себя настоящее открытие. Об этом нам рассказала кандидат биологических наук Валентина Владимировна Попившая.

Соцветие-ловушка

«Смотрите, смотрите, как травка мух ловит!» — воскликнул Вова.

Он держал в руках несколько соцветий щетинника зеленого, покрытых насекомыми.

Мы попытались освободить жертвы, но их прочно удерживали зубчатые щетинки растения. Пойманные за хоботок или лапки жучки, мухи после бесплодных усилий освободиться обессилевали и в конце концов погибали.

Растения снабжены приспособлениями для защиты от животных или бактерий. Например, листья бодяка, чертополоха, дурнишника колючего имеют колючки, крапива — жгучие волоски, шиповник — шипы.

У лука, чеснока и многих других растений есть химические средства защиты — фитонциды. У щетинника зеленого колосья окружены щетинками; которые защищают плоды от повреждений, а кроме того, служат приспособлением для расселения растения. Зацепившись за шерсть животных, перья птиц, одежду человека, колоски легко отрываются и уносятся в другие места. А чтобы звери и птицы почаще подходили к растению, оно и задерживает насекомых, как приманку для них. Жертвами щетинника становятся журчалки, цветочные мухи, жуки и другие мелкие и средние насекомые.

Щетинник относится к семейству злаков. Это сорное растение распространено в центральной и южной полосе европейской части СССР, в Крыму, на Кавказе, в республиках Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Встречались ли вам, друзья, тесные ровные ряды маленьких елочек в лесу — словно кто-то их специально посеял? Но нет, никто их тут не сажал, выросли они сами. А почему именно такими рядками, расскажет кандидат биологических наук Василий Владимирович Груздев.

Еловые щеточки

Бывая в лесах Шарьинского района Костромской области, я видел прямые рядки как бы специально густой щеткой посаженных елочек. Осмотревшись внимательно, обнаружил, что такие полоски елочек растут на сгнивших стволах ветровальных деревьев, по-видимому, тоже елей.

На одной широкой старой просеке я обнаружил целые «гнезда» чистого ельника. Часть елочек выросла до жердняка, другие еще не превышали роста человека. Стояли они густо, так что пролезть сквозь такое гнездо невозможно. Самое интересное в том, что эти куртины, состоящие почти исключительно из елочек, растут на месте бревен, сложенных здесь в штабели давным-давно. Они уже сгнили и покрылись мхом. Такой чистый ельник резко выделяется среди окружающего их лиственного молодняка. Раньше в этом лесу елочек почти не было. Теперь я насчитал на просеке 10 куртин.

Березы и осины первыми поселяются на вырубках, гарях, железнодорожных насыпях и земляных валах. Там, где раньше росли дубы, вязы, клены, чаще всего вырастают березняки. Но мы можем помочь возрождению дубрав и рощ! Вот что советуют ученые.

Богатства старых парков

Когда-то широколиственные дубравы и рощи в Верхневолжье не были редкостью. Но сейчас уже нечасто встретишь в здешних лесах дубы, остролистные клены, ясени, вязы, липы — их вытеснили осинники и березняки.

Ученые Калининского сельскохозяйственного института давно пытаются найти способы восстановления широколиственных лесов. Они пришли к выводу, что прекрасные семена для посадок в лесу можно собирать с деревьев в старых парках. Удивительно красивы они в Калининской области. Многим деревьям здесь перевалило за двести лет. Парковые деревья плодоносят значительно обильнее, чем дикие, и собирать семена с них гораздо легче. И еще одно важное свойство: всхожесть семян парковых деревьев выше, чем семян, собранных в лесу. Специалисты считают, что лучше всего использовать семена деревьев, возраст которых 50—100 лет.

А познакомили мы вас с этим сообщением вот для чего. Каждый из вас, ребята, может принять участие в сборе семян. Для этого нужно связаться с лесничеством и узнать, какие семена необходимы.

Грецкий орех вы тоже можете вырастить на своем участке. Вот что о нем рассказывает доктор биологических наук Юрий Петрович Лаптев.

Орех грецкий

Его высоко ценили всегда: в Средней Азии он некогда использовался вместо денег, в Греции его величали «желудями богов». В Россию орех завезли из Греции древним торговым путем «из варяг в греки», потому он так и называется. Часто его называют волошским.

В древности грецкий орех с медом давали больным туберкулезом, ореховое масло врачи рекомендовали при камнях печени и почек. Зеленые корки ореха Гиппократ рекомендовал как глистогонное средство.

Семя ореха не только очень вкусное, но и питательное. 1 килограмм грецких орехов по питательности равен вместе взятых по кило-

грамму каждого: хлеба, мяса, рыбы, картофеля, груш плюс один литр молока. А И. В. Мичурин называл его «хлебом будущего». В незрелых орехах (из них варят варенье) содержится витамина С в девять раз больше, чем в самом знаменитом витаминном растении наших лесов — шиповнике. Кроме того, в семенах ореха содержатся витамины группы В, Е, Р, соли железа, кобальта, 58—75 процентов превосходного масла, 9—18 процентов белка и 5—15 процентов безазотистых экстрактивных веществ.

И сейчас в научной медицине применяются различные препараты из грецкого ореха: юглон, карион и другие. Широко используется грецкий орех в кондитерском деле, в парфюмерии. Его древесина — ценнейшее сырье для изготовления полированной мебели и внутренней обшивки океанских судов и яхт. Из плодовой корки готовят краску для шерсти и шелка. Высаживают как декоративное растение.

Селекционер С. С. Калмыкова вывела специальные морозостойкие сорта орехов «Идеал» и «Гибридный» для выращивания в средней полосе Советского Союза.

Плоды орехов высевают в октябре — ноябре или ранней весной после недельной стратификации их в воде. Посадка по четыре ореха в лунку на глубину 8 сантиметров. Все четыре сеянца в лунке потом срастаются между собой.

На станциях юннатов, в школьных лесничествах, в кружках у вас всегда найдутся опытные руководители, которые смогут помочь вам советами и делами. Ведь многие из вас ведут серьезную исследовательскую работу. Вот что, например, пишет наша Почемучка.

Выращиваем шелковицу

Растениями я не случайно заинтересовалась — ведь я юннатка. Занимаюсь на станции юных натуралистов со второго класса, а сейчас перешла в девятый.

В садоводстве у меня есть уже некоторые успехи. Третий год я провожу опыт с шелковицей. Сначала наблюдала за влиянием различных минеральных удобрений на рост растений. А теперь провожу опыты по выращиванию шелковиц с укороченным световым днем. Мои труды увенчались успехом. В 1978—1979 годах я была участницей ВДНХ, а в 1979-м награждена медалью. Работу продолжаю.

г. Иваново

Юля МАЛЮТИНА

А вот очень важный совет для вас, юные садоводы и овощеводы! Выращенные плоды нередко приходится демонстрировать на выставках, уроках биологии. Как их сохранить?

Своим опытом делится методист Тюменской областной станции юннатов Нина Павловна Еринова.

Вкусные экспонаты

Фрукты, ягоды, овощи — скоропортящиеся продукты, и сохранить их в свежем виде весь год невозможно. Испытав много способов, мы остановились на фиксировании их в перенасыщенном растворе поваренной соли.

Сначала готовим раствор. Берем воду комнатной температуры, растворяем в ней столько поваренной соли, сколько ее может раствориться, и чтобы на дне посуды еще осталась соль, то есть получаем перенасыщенный раствор. Даем отстояться 12—20 часов. Затем осторожно сливаем, чтобы не попал грязный осадок. Слитый раствор фильтруем два раза через двойной слой марли. Получается прозрачная жидкость, готовая для фиксирования плодов.

Ягоды и мелкие фрукты фиксируем в литровых стеклянных цилиндрических сосудах. Крупные фрукты и овощи можно поместить отдельно в стеклянные банки, а лучше в химические стаканы.

Следующий этап — отбор экспонатов. Фрукты и ягоды можно брать с веткой и небольшим количеством листьев, чтобы они не закрывали собой плоды. Располагаем листья так, чтобы один был обращен лицевой стороной к стеклу, другой — обратной стороной.

Овощи, фрукты, ягоды должны быть чистыми и сухими. Контролем чистоты и сухости у нас служит запасная посуда с таким же перенасыщенным раствором, куда мы предвари-

тельно погружаем все плоды, чтобы не изменять степени концентрации основного раствора.

Обработанные овощи и фрукты осторожно опускаем в сосуды и заливаем подготовленным раствором поваренной соли, не доливая 1 сантиметра до краев.

Затем накладываем целлофан, слой пластика толщиной 0,5 сантиметра, снова целлофан и завязываем капроновой ниткой или узкой лентой. Первый слой целлофана нужен для того, чтобы не провалился пластилин, который предохраняет раствор от испарения, а второй сохраняет пластилин в заданной форме.

Подготовленные таким образом экспонаты хранятся 2—3 года.

Почемучки! Помните, на прошлом заседании был у нас вопрос о том, случаются ли у животных обмороки? Сегодня мы публикуем первое наблюдение, которое прислал Василий Дмитриевич Запорожченко из Днепропетровска.

Свиристели осовели

Осенью мы с внуком Саней приехали в Подмосковье. Красивые места. Рябиновая роща у реки в алом пламени плодов! Горькие они пока — заморозков еще не было, но любителей полакомиться ими и сейчас хватает. Вот пестренькие птички размером со скворца, с хохолками на головках — свиристели — спешат, обгоняют друг друга, словно хотят наесться на всю долгую зиму.

— Дедушка! Посмотри, что такое? — закричал Саня, показывая на верхушку дерева, с которого одна за другой падали в траву птицы. Подошли к ним — свиристели словно неживые, лежат, не шелохнутся. Взяли одну

из них в руки — дышит, тельце теплое, а глазки закрыты. Я с удивлением огляделся — там и тут под рябиной лежали свиристели. Сколько лет прожил, но такого не видывал. Что с ними делать? Оставить так — хищник какой-нибудь съест. Собрали мы их в шапки и скорее к охотнику Ивану Ивановичу. Он посмотрел на птичек и говорит: «Объелись». — «Что же, значит, погибли?» — «Да ничего с ними не будет — вот полежат-полежат, проголодаются и отойдут, снова начнут плоды клевать».

Решили мы спасти и остальных свиристелей, которые остались под деревьями. Иван Иванович предложил поставить в роще жестяные вертушки: они скрипят на ветру, и никакой зверь не подойдет к этому месту. Сделали десятка два таких вертушек, пока расставляли, наши друзья-свиристели ожили, задвигались, наконец, запрыгали, вспорхнув на деревья, как ни в чем не бывало снова принялись за рябину. Непонятно, почему так подействовали плоды на птиц, может быть, в это время рябина ядовита?

Мы попросили прокомментировать это сообщение кандидата биологических наук орнитолога Вячеслава Всеволодовича Строкова. Вот что он рассказал.

Не осовели, а объелись

У свиристелей очень быстрое пищеварение, съеденные ягоды проходят через желудок в кишечник буквально в считанные минуты. Птицы часто выбрасывают наружу семена вместе с полупереварившейся мякотью ягод. Это ставит свиристелей на одно из первых мест как «сеятелей леса».

При таком быстром пищеварении свиристели вынуждены часто и много есть и, попав на рябину, не упустят возможности еще подкрепиться. А плоды бывают мерзлыми, набитый ими зоб птицы охлаждает все тело и сдавливает дыхательные пути. Вот и случается у объевшейся свиристели полуобморочное состояние, и она падает с дерева на землю. Только после того, как часть ягод оттаит и пройдет в желудок, птица приходит в себя и снова начинает есть. До... очередного обморока.

И еще на один вопрос мы отвечаем сегодня. Дима Соколов на февральском заседании спрашивал, только ли в тропиках растут лианы. Послушайте, пожалуйста, В. А. Ольгину и напишите, встречаются ли в ваших краях выющиеся растения и какие.

Зеленые кружева

Лиана. Когда слышим это слово, обязательно представляем себе непроходимые тропические леса, где высоченные деревья сплошь покрыты лазающими растениями (лианами) и эпифитами, где каждое растение стремится любым способом пробиться к солнцу, заполняя своей листвой каждый просвет в гуще крон. У самой земли растительность крайне скудная, зато вверх — буйство зелени и красок. Здесь настоящее приволье для лиан. Растения переплетаются, поднимаясь ввысь, и напрасно пытаться распознать, кому принадлежат стволы, листья, цветы, плоды. Лианы то сплетаются в зеленые стены, то свисают гирляндами или висячими мостами соединяют деревья. Сплетения лиан украшены цветами необычайной красоты. То голубые кисти раскачиваются среди ветвей, то зеленая стена будто усыпана сотнями светлых звездочек пассифлоровых цветов.

Чтобы поближе познакомиться с лианами, совершенно не обязательно отправляться в далекие путешествия в тропики. Дикий виноград и лозоносы, актинидия и лазающие шиповники, жимолости и ежевики — все это лианы. Правда, чем ближе к югу, тем лазающих растений встречается все больше, а арктическая область и безлесный высокогорный пояс лишены таких растений. Интересно, что в тропической Америке почти вдвое больше растений с лазающими побегами, чем в тропической Азии. Наибольшее богатство лиан в Бразилии и на Антильских островах.

У лазающих растений, все равно деревянисты они или травянисты, стебель лишь с помощью чужой поддержки способен подняться над землей. Поначалу, когда росток только показался из земли, он ведет себя как и все растения, тянется вверх. А как поднимется над землей на несколько сантиметров, начинает кружить вокруг — ищет, за что бы зацепиться. В этом проявляется особенность лазающего растения. Ну а если ничего нет рядом? Росток ляжет на землю, подрастет еще немного, поднимет верхушку и опять начнет круг за кругом вести разведку. И так до тех пор, пока не наткнется на что-то подходящее.

По-разному ведут себя лазающие побеги. Одни вплетаются в гущу других растений, другие обвивают стволы и ветви, цепляются за опору с помощью усиков или особых колючек-крючков. Но все лианы, разрастаясь, создают непроходимые заросли.

До свидания, дорогие друзья, до встречи в ноябре!

Радиоприемник «РОССИЯ-303».

Высокая избирательность, точная настройка!

Любую радиопередачу в диапазонах ДВ, СВ и КВ можно слушать по транзисторному приемнику «Россия-303». Он снабжен движковым переключателем тембра и ручкой точной настройки в диапазонах КВ.

Габариты — 215×125×50 мм.

Вес радиоприемника — 1 кг.

Цена — 59 руб. 50 коп.

Радиоприемник «Россия-303» поступил в продажу.

ЦКРО «Радиотехника»

В реках и лагунах Центральной Америки живет небольшая рыбка — 15—20 сантиметров длины — «Анаблепс тетрафтальмус», что означает — рыба с четырьмя глазами. В сущности, она имеет только два глаза, как и все остальные рыбы, но из-за особенности их строения ее издавна прозвали четырехглазкой. Дело в том, что особая перегородка делит глаз на две части — верхнюю и нижнюю. Разделена не только роговица, но и сетчатка внутри глаза, а хрусталик имеет не круглую, а овальную форму. У каждой половинки глаза свое фокусное расстояние. Четырехглазка может одновременно наблюдать, что делается в воде и над водой. Всплывая к поверхности, анаблепс держит голову так, что наружу выступают только верхние половинки ее крупных выпуклых глаз. С их помощью четырехглазка одинаково успешно охотится в воде за рачками, а в воздухе за пролетающими над водой насекомыми. Когда стайки этих рыб плывут к берегу, кажется, что из воды выглядывают десятки перископов миниатюрных подводных лодок.

На побережье Кубы в мангровых зарослях растет ризофора мангле — дерево, которое относится к живородящим растениям. Размножается оно

Окзыбггг

очень интересным способом. Созревшие семена прорастают прямо на дереве. Из плодов высовываются нижние части проростков — маленький корешок и мощный утолщенный снизу стебель, а почечка пока еще спрятана в плоде. Когда росток достигает в длину 20—30 сантиметров, он как бы «катапультируется» и вонзается тяжелым нижним концом в почву, которая в мангровых зарослях очень своеобразная — это жидкий зыбучий ил в полосе прилива и отлива. Если бы не было такого приспособления, не проросшие семена не удерживались бы на месте, их бы смывало. А при таком способе уже солидный тяжелый росток сразу прочно «заякоривается» в иле и может теперь расти дальше, образуя ствол и ветви из верхушечной почки.

Самые маленькие обезьяны — это игрушки, которые живут в лесах Южной Америки.

ки. Их несколько видов, самые крохотные из них — карликовые. Обитают они в верховьях реки Амазонки. Рост взрослых обезьян не более 15 сантиметров, то есть с карандаш. Питаются они фруктами, насекомыми, но пауков и муравьев панически боятся. Карликовая игрунка легко привыкает к неволе. Недавно в стоковольском зоопарке Скansen родилась парочка этих обезьянок: малюсенькие детеныши, для которых и рука человека кажется большим деревом.

ПЕРНАТЫЕ СОСЕДИ

Холодно и сыро. На ветке съежился воробьишка, вобрав в себя голову, и не шевелился. Замерз, наверное.

Многие смотрят на воробьев так: некрасивый, серый, петь не умеет, да к тому же воришка, хоть и пуганый — так принято уж говорить — «вор-воробей», хотя это совсем неверно. Сейчас у всех холодильники, на балконе редко что выставляют из продуктов. Воровать воробьям-то и нечего. И сидят они, поджимая то одну, то другую ногу. Ветер сквозит, мороз пробирает до косточек или дождь льет.

Обычно наш балкон бывает весь усеян воробьями: мы их кормим зимой пять раз в день, летом — реже. Постоянных наших воробьев — одиннадцать. И у каждого свои привычки: один любит чистить когти, другой — купаться, третий — клевать других воробьев в хвосты, четвертый... в общем, всего не перечислишь.

У меня и у мамы среди этих одиннадцати есть по самому любимому воробью: у мамы — «аристократ», как она его называет, а у меня — драный воробей.

У драного самая выразительная физиономия и грудь колесом. Он самый смелый, нахальный, пронырливый и любит купаться. На улице мороз, сугробы снега, или летом, все пересохло, воды ни капельки нигде нет, а смотришь — где-то воробей успел выкупаться: появляется весь мокрый, трепанный, худой, из выщипанного хвоста получается одна палочка со спичку толщиной. Сядет он после такой холодной ванны около колонны, об нее вытирается и чистит клюв, всем своим видом кланяча что-нибудь поесть. Ну как ему не дать!

«Аристократ» совсем другой.

Положишь воробьям целый кусочек, все они лезут друг через друга, отпихивают своих же сородичей, дерутся, а «аристократ» всегда клюет очень аккуратно, никогда из середины куска не выклюнет, а только с краешку, никогда никого не толкает, никому на голову и спину не лезет, вообще ведет себя как самый настоящий птичий аристократ.

Несмотря на различие внешностей и характеров этих двух воробьев, они все же всегда вместе.

Вот и недавно я видела на балконе их совместное выступление (такое редко когда увидишь!): мой драный воробей танцевал под пение «аристократа». Танец выглядел так. Драный воробей вытягивал ноги, как-то весь приподнимался, хвост ставил вертикально и голову тоже задирал. С гордым видом он начинал кружиться, иногда топчась на месте, иногда делая большие шаги, иногда несколько раз припрыгивая. Другой воробей сидел рядом, расставив лапы: он внимательно смотрел

на танцующего, широко раскрывал клюв и издавал какие-то звуки, похожие на пение и пищание вместе — как будто хочет красиво запеть, а получаются только отрывистые звуки.

Ну и что же, что большего они не могут? Зато это их, так сказать, «народный» танец. Соловьи поют не по всякому поводу, а эти скачут сразу на двух ногах и иногда подражая сороке — боком, боком, и вечно чирикают.

ЯГОДЫ РЯБИНЫ

Красные бусины подмороженной рябины валяются на заснеженном тротуаре. Проворные глазастые вороны быстро находят их и склевывают.

Некоторые ягоды скатились к обочинам тротуаров, где снежок успевает таять и образует мелкие лужицы. На краю низкой покатой крыши сидят две вороны и наблюдают за появляющейся и исчезающей рябиной в этих мокрых ложбинках. Исчезающей — потому что идет частый мелкий снег и покрывает бусинки тонким белым слоем, как и весь асфальт, но снег тает — и бусинки таким образом становятся то белыми, то красными.

Вороны спускаются по краю крыши все ниже и ниже, перегоняют друг друга, отталкивают и ругаются — за то, что каждая из них претендует первой увидеть в луже очередную красную ягоду. И все же каждая из них никак не может решиться подлететь и, одним махом склевав все ягоды, нарушить хоть такую маленькую красоту.

Две вороны оказались не единственными любопытными в округе. К ним на крышу слетелась целая стая, чтобы узнать: а что там наши сородичи высматривают так долго и так внимательно?

У слетевших ворон не было особой склонности к длительным наблюдениям, и, даже не договариваясь между собой, они ринулись толпой на красные ягоды и все растащили.

А снег по-прежнему сыпал и заметал лужи. Но лужи были совсем черными, без единого яркого пятнышка. А горошек красных ягод уносили в клювах в разные концы огромные вороны. Одни садились на удобные крыши и лакомились ягодами. Другие размещались на деревьях и, заглядываясь от неумного любопытства на прохожих или на других ворон, роняли лакомство. Но ягоды падали уже не в лужи, а на твердую замерзшую почву, и подхватывались другими воронами, и снова куда-то уносились.

Рис. В. Прокофьева

Записки
натуральщика

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА

Наш танкер находился в Красном море. Капитан спешил подойти к порту, чтобы успеть попасть в караван судов для прохода Суэцкого канала.

Если кто из вас был в бане, в сухой парилке, то тому нетрудно представить и ту жару, которая бывает в Красном море.

Судовая жизнь шла своим чередом. Я стоял на руле, обливаясь соленым потом. И вдруг наш танкер вздрогнул, как в ознобе. Вахтенный штурман, стоявший на мостике рядом со мной, рванул ручку машинного телеграфа так, что стрелка на его циферблате сразу прыгнула и показала: «Стоп машина» — и в машинное отделение полетела по проводам его команда, требующая срочной остановки главного двигателя, который вращал винт нашего теплохода.

В это время в машинном отделении над пультом управления вспыхнул красный фонарь, резко зазвенел звонок над головой у вахтенного механика, и точно на таком же телеграфе, как и у нас на мостике, стрелка синхронно переместилась в положение: «Стоп машина!»

Вахтенный механик мгновенно перекрыл кран подачи топлива, и захлебнувшийся двигатель дернулся несколько раз и умолк.

Капитан, быстро поднявшись на ходовой мостик, подал в машину ручным телеграфом: «Полный назад!», а затем: «Стоп машина!» После чего он подошел к штурманскому столу и, взглянув на карту того района Красного моря, где мы тогда находились, с ужасом подумал: «Неужели сбились с курса и сели на риф? — И, глядя на вычерченный на карте обыкновенным черным карандашом курс танкера в виде прямой линии, спросил у меня нетерпеливым голосом:

— Вахтенный, курс на руле?

— Курс двести двадцать! — ответил я, глядя на компас.

— Все правильно! — сказал капитан и, обратившись к вахтенному помощнику, спросил: — Глубина под килем?

Тот растерянно взглянул на показания эхолота и, стараясь не выдать испуга, растерянно доложил:

— Под килем две тысячи пятьсот пятьдесят метров.

Капитан пожал плечами, скривил губы и развел руками.

— Что такое? Глубина вроде бы подходящая! Тогда откуда такой удар по корпусу судна? — сказал он в недоумении и, сомневаясь в правильности показаний эхолота, быстро вышел на крыло мостика и кинул за борт свой носовой платок и, провожая его просветленным взглядом, облегченно произнес: — И все-таки мы движемся вперед... По инерции... Значит, на мель не сели.

Только две любопытные так и сидели на краю крыши и с удивлением рассматривали неожиданно опустевшие скучные лужи.

Е. НОВОЧАДОВА

Потом он сорвался с места и побежал на корму, где собралось несколько членов экипажа, возбужденных случившейся встряской корпуса судна. Вахтенный помощник осматривал в это время поверхность моря за кормой танкера, крикнул ему вслед:

— Товарищ капитан, слева по корме вижу огромную черепаху.

И действительно, метрах в пятидесяти от танкера на поверхности моря барахталась неуклюжая огромная черепаха.

Капитан подошел к собравшимся на корме.

— Наверное, это она под винт попала, — сказал он, осененный догадкой, и, кивая на черепаху, прибавил: — Так и без лопастей немудрено остаться и вместо выполнения рейсовых заданий можно запросто угодить на судоремонтный завод.

В это время черепаху сперва приподняло потоком воды, а затем опрокинуло навзничь. Задрав вверх свои шершавые и толстые, как у слона, лапы, она неуклюже сучила ими в воздухе.

— Уже и черепахам на море покоя не стало! — возмущался моторист Кондрашов.

Собравшиеся на корме засмеялись.

— А может, черепаха хотела нас отбуксировать в порт, а мы ее не поняли? — воодушевленная, пошутил матрос Григорьев.

Моторист Смирнов подмигнул Михаилу Антоновичу и сказал:

— А мне кажется, что эта черепаха отломала лопасть винта и теперь грозит нашему механику, чтоб он ей здесь, в Красном море, больше никогда не попадался со своим хвальным быстроногим винтом.

Старший механик усмехнулся, а кок, стоявший рядом с ним, вздохнул.

— Эх, братцы! Сейчас бы я вас побаловал таким черепашьим супчиком, что пальчики оближешь, — сказал он, поправляя на голове белый колпак, и, вопрошающе глядя на капитана, прибавил: — Товарищ капитан, дармовой деликатес упускаем. Мяса, я вам хочу доложить, с этой черепахи нашей команде на год хватит.

Капитан подумал и нахмурился.

— Шутки шутками, однако нам надо спешить! — сказал он и, оживившись, прибавил: — Сейчас мы проверим, как себя чувствуют лопасти нашего винта после встречи с черепахой, и в путь!

Вахтенный штурман, находясь вместе со мной на крыле ходового мостика, проклинал жару и с нетерпением смотрел на веселившихся на корме в ожидании распоряжений капитана.

Чуть погода, посоветовавшись со старшим

механиком, капитан посмотрел на вахтенного помощника и приказал:

— Дайте-ка ход. Для начала самый малый вперед!

Через минуту танкер вздрогнул и послушно дернулся вперед. Минут через пять капитан, возвратившись на мостик, взглянул на свои наручные часы и повеселевшим голосом сказал:

— Все в порядке. Полный вперед!

И мы двинулись к каналу, навстречу прохладе.

В. ЗАЯРСКИЙ

ФИЛЬКА

Он появился в нашем доме случайно. Как-то в кедровых мое внимание привлекла птица. Скорее ее неестественное положение: она висела вниз головой.

Я приблизился к дереву, на котором вот так, необычно, вниз головой, как мне показалось, проводила свой досуг крылатая таежница. Заметив меня, она замахала тяжело и неуверенно крыльями. Но вскоре бросила это бесплодное занятие, приняла свою прежнюю позу. И только тут я увидел, что ее лапка, а это была небольшая сова, зажата между стволом коряжистой березы и толстой веткой. Как она туда попала?

Я осторожно освободил из плена совенка. Он не пытался вырваться из моих рук. Вел себя вполне прилично, и казалось, что даже рад нашей встрече в тайге, рад нежданной помощи, как это бывает со зверями, попавшими в беду. Известен случай, когда медведь с занозой в лапе пришел к леснику, чтобы тот облегчил его страдания. Хитрая лиса с застрявшей консервной банкой на голове разыскала людей и «упросила» их освободить ее от этого страшного «слепого» колпака. Бывает, идешь по лесу, а в ноги тебе ни с того ни с сего заяц дрожащий бросается, с неба куропатка камнем падает. Потому что смерть настигает их, преследует по пятам. И только ты, человек, можешь спасти их в эту критическую минуту. Подавив страх, они ищут у человека защиты.

Наверное, то же испытал и совенок. Он не клевался, не бился. Он был измучен пленом. Я осмотрел его головку, крылья, шею... Все было цело, кроме правой лапки, которая попала в ловушку. Она была в ссадинах и, похоже, даже сломана. А сова без ног, главным оружием которой являются клюв да когти, обречена на гибель. Возможно, со временем моя пленница приспособилась бы охотиться и

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

С 1 января 1982 года цена за один экземпляр нашего журнала устанавливается в размере 25 копеек. Это связано с увеличением стоимости бумаги для печати, затрат на полиграфическое исполнение и доставку журнала подписчикам. Стоимость годовой подписки 3 рубля.

с одной ногой. Кто знает. Но мне было жаль бедную птицу. Разорвав носовой платок, перевязал поврежденную ножку и сунул пострадавшего в рюкзак.

Так соенок, или, как его прозвали, Филька, объявился в нашей квартире. Не знаю, как бы его встретила Катя, будь она в то время дома. Вероятно, враждебно. Он был противоположностью экспансивной и решительной утке. Если Катя была быстрой и даже агрессивной птицей, то Филька казался степенным, неторопливым, важным — будто обдумывал каждый свой поступок прежде, чем его совершить. Он был похож на того невозмутимого мудрого Филина, которого часто мы встречаем среди детских картинок.

Филька был к тому же необыкновенно красив, хотя на него природа затратила мало красок: белую да черную, чтобы получилась вот такая удивительная «серая масть», которой мы могли подолгу любоваться и восхищаться.

Филька в отличие от Кати был птицей без увлечений. У него не было ярко выраженных эмоциональных интересов. Днем он обычно не показывал носу. Сидел тихо и мирно дремал. Точь-в-точь как поступали веками его сородичи. Потому что Филька — птица ночная. Ему казалось неприлично болтаться без дела у всех на виду да еще днем, при солнце, когда ты никого не видишь. Его любимым местом была антресоль. Там за занавеской темно и спокойно. Туда никто не заглядывал и не мешал Фильке коротать день. Таких антресолей в квартире у меня три. Это мои «разгрузочные» площадки. Они особенно необходимы, если

хозяин рыбак или охотник. В углу смастерил я Фильке сиденье в виде сучка, на котором он предавался своим таежным воспоминаниям да снам.

С наступлением темноты Филька покидал свое укрытие. Биологические часы напоминали ему, что пора трудиться. И он трудился. Перелетал с места на место. Летал Филька плавно и бесшумно. Взмахи его больших совершенных крыльев не производили никакого шума.

Обед его начинался поздним вечером. Мы клали перед ним кусок сырой говядины. Он жадно набрасывался на него, впивался когтями, отрывал клювом куски и молниеносно проглатывал их. Во время обеда мы разговаривали с Филькой, подбадривали словами, гладили его. И соенок не противился, не выказывал своего недовольства, хотя во всех других случаях откровенно протестовал, сердился. Филька, хоть и был по натуре незлобив, но гладить себя не разрешал: урчал, клевался.

Была у Фильки одна слабость: ему ужасно нравилось, когда его гладили под клювом. Слабость эта обнаружилась как-то случайно. Разговаривая с Филькой, я провел рукой по верхней части горла. Повторил это несколько раз. Он начал постепенно поднимать голову. Потом он закрыл глаза, и из его гортани неожиданно полились таинственные воркующие звуки.

Зная слабость Фильки, мы не могли удержаться от соблазна даже тогда, когда соенок ел. Стоило коснуться его горла, особенно нежной части под клювом, как он тотчас прекращал рвать мясо. Филька поднимал свою

красивую голову, опускал на огненные глаза веки и как заправский артист начинал выводить рулады лесной песенки. Его песня была нежной и бесконечной. Мы замирали вместе с ним, боялись нарушить это необыкновенное и трогательное пение, которое в любую минуту могло, как сон, оборваться. Но Филька проявлял иной раз упорство настоящего певца. Он ворковал даже тогда, когда мы прекращали его гладить и отступали от солиста на несколько шагов. А он, не открывая глаз, продолжал тянуть свою мелодию. Наверное, он хотел выразить ею свою радость и признательность. Убедившись, что его больше не ласкают, он опускал чуть-чуть голову, открывал глаза и смотрел на нас.

Филька снова принимался за прерванный обед. А перед нами по-прежнему стоял его взгляд, его глаза. Необыкновенные, поразительные большие глаза. Глаза незабываемые и особенные.

Эти глаза чуть не привели в ужас мою дочь. Случилось это, когда Филька объявился в нашей квартире. Я приехал тогда из тайги поздним вечером и посадил его в ящик. Ночью сова начала в нем скрестись. Лариса включила свет. Станный звук, который ее поднял с постели, шел из ящика. Она открыла крышку и ужаснулась: со дна коробки на нее устремились два огромных желтых, как огонь, глаза. Они поражали своей величиной и пристальным, гипнотизирующим взглядом. Филька, видимо, был потрясен, испуган не только внезапным появлением человека, но и ярким неожиданным светом. Он не шевелясь сидел в ящике и неотрывно смотрел на человека.

Самые суровые месяцы зимы Филька пережил в тепле и достатке. За это время он заметно окреп, поправился. Мы решили его выпустить.

В один из воскресных дней, посадив Фильку в ящик, мы выехали в тайгу. Заприметив глухой распадок с завалами и ручейком на дне, я остановил машину. На прощанье Фильке дали припасенный кусок мяса. Он ел его без особого аппетита. И даже не ворковал, когда гладили под клювом. Впервые он не откликнулся на нашу ласку. Возможно, на него действовала новая, необычная обстановка, которую птица успела забыть.

Я отдал Фильку сыну. Игорь подержал Фильку в руках. Потом мягко подбросил его в воздух. Тот, расправив крылья, замер, на миг повис над нами. Затем Филька сделал круг и опустился недалеко от нас.

— Он не хочет улетать! — И Игорь первым подошел к Фильке. Тот не встрепенулся, не взлетел, дал спокойно взять себя в руки.

— Может, увезем его обратно домой? — спросил Игорь.

Его можно было понять. Птица привыкла к людям и вряд ли снова смогла бы жить в лесу. Фильку пришлось вернуть в город.

Н. ГОВОРУШКО

АНТУРИУМ ШЕРЦЕРА

Это растение называют цветком «фламинго» за сходство с красивой экзотической птицей, как бы стоящей на одной ноге и изогнувшей шею. Тонкие цилиндрические спирально скрученные соцветия — початки антуриума состоят из многочисленных цветков. Особую красоту им придает крупный удлиненный яркий присоцветный лист, который может быть белым, розовым, оранжевым или крапчатым.

Антуриум Шерцера относится к обширному семейству ароидных, представители которого распространены по всему земному шару, но 90 процентов их растет только в тропиках. В остальных местах находится сравнительно немного видов, некоторые из них заходят далеко на север, встречаясь даже на широте Архангельска. К их числу принадлежат белокрыльник болотный, широко распространенное растение с белым присоцветным листом, встречающийся на болотах (многим известен его близкий родственник, выращиваемый в теплицах, — калла эфиопская).

Антуриум Шерцера — многолетнее растение. Родина его — влажные субтропики Центральной Америки. Чтобы вырастить антуриум Шерцера, необходимо создать ему условия, близкие к природным. Прежде всего высокую влажность воздуха (до 90 процентов) и температуру до 25 градусов летом и 17 —

зимой. Размножать антуриум можно семенами и вегетативным путем. В тепличных условиях семена получают только в результате искусственного опыления цветков. Через 8—9 месяцев после опыления созревают ярко-красные плоды, содержащие от двух до пяти семян. Чтобы предохранить семена от загнивания, их обрабатывают слабым раствором марганца, после чего высевают. Растение зацветает на третий год.

Вегетативное размножение заключается в том, что от взрослого растения отделяют маленькие дочерние отростки, которые сажают в горшки. Некоторые из них зацветают на второй год.

Антуриум Шерцера можно увидеть не только в ботанических садах, им стали заниматься многие садоводческие хозяйства, особенно в республиках Прибалтики.

Эти дикие растения, часто демонстрируемые на выставках цветов, оставляют неизгладимое впечатление.

В. КАРЕВА

ДЛИННОУХИЕ СПАРТАНЦЫ

Из печной трубы этой маленькой избушки дым не идет даже в крепкий январский мороз. И не потому вовсе, что хозяева не припасли на зиму дров. Таких предусмотрительных, заботливых хозяев, как юные зоологи Смоленской областной станции юннатов, поискать. Вдоволь накошено здесь летом отборного чистого сена из разнотравья, под самую крышку засыпаны лари ячменем и овсом, а о клетках и говорить не приходится — чистота абсолютная. Дружным птичьим щебетом встретит вас уютный кабинет, где проходят занятия кружковцев. Стремительно, так, что серебряные спицы сольются в сплошной сверкающий круг, завертятся беличье колесо. И даже флегматичная черепаха Тортилла доверчиво высунет из-под панциря лакированную змеиную головку, нежась в комнатном тепле. Так почему же тогда в избушке, что стоит на отшибе, никогда не топится печь?

Далеко не тепличные, суровые условия соблюдаются здесь специально. Обитатели избушки — крольчата, а последняя серия опыта: «Рост и развитие крольчат, родившихся в разное время года» — как раз и должна решить вопрос, как поведут себя они при обстоятельствах, прямо скажем, необычных: ртутный столбик термометра падает порой до минус 32 градусов.

Что и говорить, опыт рискованный. Но кролиководческому кружку юных смолян, которым руководит Лидия Васильевна Черкасова, больше десяти лет. Кроликов здесь знают и любят.

Три Александра — Кусов (звеньевой), Иванов и Соловьев, Ира Чепурниа, Наташа Черкасова, Маша Новоденская, Игорь Рязанов — каждый из них со знанием дела расскажет об оптимальном уровне белкового кормления крольчат, о преимуществах уплотненных окролов, о том, как влияет подвижный образ жизни на развитие молодняка. Много было опытов. Но зимним выращиванием крольчат заняться не решались. Морозы на Смоленщине бывают нешуточные. Выдержат ли крольчата?

Оказалось — выдержали длинноухие спартанцы! Да еще как!

Родившиеся в разное время года, говорится в теме опыта. Значит, весной, летом и зимой. Весной и летом — тут все знакомо. Но все равно опыт должен быть чистым. Поэтому провели его в трех сериях. И каждый раз отбирали два десятка крольчат полторамесячного возраста, формировали из них (после ветосмотра) две группы и, поместив в клетки для молодняка, растили. Соблюдая привычные сезонные рационы, тщательно взвешивали каждого в 45-, 60- и 90-дневном возрасте, затем путем арифметических расчетов выводили средний вес и среднесуточный привес среднего крольчонка, появившегося на свет в один из годовых сезонов.

Толстая книга — подробные дневники наблюдений, рационы, таблицы, схемы — таков итог работы, выполненной ребятами по заданию Московского института пушного звероводства и кролиководства.

Вот короткие выдержки из дневника зимней серии опыта:

«17 февраля. Произвели отсадку крольчат, родившихся в январе. Пол в клетках реечный, для сена — специальные ясли на две клетки, для корма и воды — глиняные поилки. Крольчатник не отапливается. Температура воздуха сегодня — 20°, но крольчата в своих теплых гнездах чувствуют себя хорошо. Средний вес крольчат 45-дневного возраста — 1168 граммов.

Внимательно следим за качеством корма. Корнеплоды тщательно моем и обязательно нарезаем. Морковь едят хорошо, свеклу хуже. Корнеплодов даем столько, чтобы они были съедены полностью (иначе скоро замерзают). Перед кормлением поим крольчат водой ком-

натной температуры, затем воду выливаем, а глиняные поилки наполняем чистым снегом.

3 марта. Крольчатам два месяца. Средний вес — 1576 граммов, среднесуточный привес — 27 граммов. Крольчата заметно выросли. Температура воздуха — 16°.

3 марта. Требуют много воды. Очень любят веточный корм. Тщательно обгрызают веточки осины, рябины и плодовых деревьев. Стараемся разнообразить корм, давать его в свежем и чистом виде. Запах корма повышает аппетит.

3 апреля. Кроликам исполнилось три месяца. Средний вес — 2535 граммов, среднесуточный привес — 32 грамма».

Каковы же выводы? Сравнительные данные весенней, летней и зимней серий опыта дали неожиданные и приятные результаты. Крольчата, родившиеся в январе, в трехмесячном возрасте весили на 285 граммов больше, чем крольчата летних окролов, выше был и их среднесуточный привес. Кроме того, летние крольчата подвержены заболеваниям, отход у них составил пять процентов. К тому же летом требуется более тщательная уборка клеток, дезинфекция поилок, кормушек, инвентаря. Холод же кролики переносят хорошо. Жизненный тонус их повышается, улучшается аппетит, и нормы кормления можно увеличить на 10—15 процентов, не опасаясь, что не все, положенное в клетку, будет съедено. И еще: самки, родившиеся в январе, уже в июле — августе приносят первых крольчат, и в ноябре первенцы весят два килограмма. Не правда ли, немало преимуществ заложено в крольчатах, появившихся на свет зимой?

Юные кролиководы Смоленска советуют всем воспользоваться их опытом и не откладывать до весны того, что прекрасно получается и зимой. А нам остается поблагодарить их. И поздравить.

Помните толстую книгу с отчетом, описанием опыта, диаграммами? Она ушла в Москву. И ответ не задержался. Это был «Диплом». Вверху глянцевого страницы — голова лося в зеленом овале, эмблема Московского зоопарка. Текст гласит: «Московский ордена Трудового Красного Знамени зоологический парк и Центральная станция юных натуралистов и опытников сельского хозяйства Министерства просвещения РСФСР награждают настоящим дипломом Смоленскую областную станцию юных натуралистов, занявшую первое место во Всесоюзном конкурсе юннатов имени заслуженного деятеля науки РСФСР, лауреата Государственной премии, профессора Петра Александровича Мантейфеля на лучшую исследовательскую работу в области биологии и охраны природы».

Б. АЛЕКСЕЕВ

«НА ОЗЕРЕ».

Андрей НЕДАШКОВСКИЙ,
Смоленская область

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

С. Фурии. Шагнущий в бессмертие	1	Брайан О'Бриен. Слоны почти как люди	22
Колосок	4	Павел Барто. Совы	27
В. Пажетнов. Отшельник калининских лесов	10	А. Рогожкин. Деревня в Гессенском лесу	28
Т. Меренкова. Из самого синего моря	13	Клуб Почемучек	32
Лесная газета	14	Оказывается	39
В. Федоров. К дяде Жене... в Африку	18	Записки натуралиста	41
		Советы	45

НАША ОБЛОЖКА:

на первой странице — каролинская утка; на второй — «Салют Гайдари!» (фото В. Гусева); на четвертой — лисица.

В номере использованы фото из журналов «Audubon», «National Wildlife», «Das Tier».

Главный редактор А. Г. РОГОЖКИН

Редколлегия: Виноградов А. А., Клумов С. К., Маслов А. П., Мухортов В. И., Подрезова А. А. (зам. главного редактора), Подтыкан В. Г., Пономарев В. А., Серебрякова Т. И., Синадская В. А., Чашарин Б. А. (ответственный секретарь), Чепурко В. И.

Научный консультант профессор, доктор биологических наук, член-корреспондент ВАСХНИЛ Е. Е. Сыроечковский

Художественный редактор П. П. Рогачев
Технический редактор О. И. Бойко

Рукописи и фото не возвращаются

Сдано в набор 30.08.81. Подписано в печать 17.09.81. А01427. Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,9. Уч.-изд. л. 5,3. Тираж 4 177 000 экз. Заказ 1161. Цена 20 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сушевская, 21.

Телефоны: 285-88-03,
285-89-67

РЫЖАЯ МЕТЕЛЬ

...От родимой ветки оторвался и полетел золотой лист. Падая, он долго кружится, норовит примоститься на шляпку гриба. И сборщики, точно на палубе, ходят под яркими парусами кленов. Под ногами шуршат цветистые вороха опавшей листвы. Кругом шорох и шелест. По лесу будто расхаживает и пугает зайцев таинственный невидимка.

Словно на маскараде стоит сизо-зеленый куст можжевельника. Уже не ловятся ни комары, ни мухи в пустые тенета паутины, а висят на них одни листочки. Облетает яркий наряд деревьев. Долой лист! Он обременит зимой ветви.

Немое беспокойство как бы таится в ленивой пышности лесной чащи. Радугами полегли широколистные травы. На карминном листе сборчатой манжетки сверкают непросохшие капли росы. И на белой вогнутой шляпке скрипицы застоялась дождевая вода. Белка, как кошка, лакает из грибной лунки. До отвала наелась игрунья орехов, желудей, грибов, семян еловых шишек и жадно заливает водой.

Ветер-листобой разметал по полянам опавший лист. Шумными коврами устланы нехоженые тропинки лесных чащ. Веет рыжая метель.

Дмитрий ЗУЕВ

Индекс 71121
20 коп.

